

На следующий день дворники Давладбек и Рузи втащили в квартиру новую дверь и навесили ее на кабинет правозащитницы. Дверь хозяйка заперла на два новых мощных замка, после чего расплатилась с трудовыми мигрантами мелкими деньгами.

– Мои секреты сами себя охраняют! – пошутил над супругой Лев Арнольдovich.

– Никто ключи не получит! – заявила Марфа Кондратьевна. – Буду их носить под юбкой, как пояс верности!

Еды в доме снова не было. Лев Арнольдovich тщетно рассматривал хлебницу, затем нашел под столом сухарь и взревел:

– Тюка, это же орудие убийства! Как его грызть последними тремя зубами?! – Но размочил сухарь в кипятке и съел.

Я решила не морить Льва Арнольдovichа и детей голодом, сходила к Ларисе, взяла муку, яйца, джем, в магазине за углом купила молока и овощей на остатки зарплаты и принялась стряпать салат и оладьи. Пока я замешивала тесто, Лев Арнольдovich, усевшись на лавку, сообщил, что втайне меня застраховал.

– В случае твоей смерти, Поля, мне как опекуну должны выплатить крупную денежную сумму, – мечтательно сказал он.

– Как это пришло вам на ум?! – едва не выронив из рук венчик, спросила я.

– На всякий случай застраховал.

– Почему вы записали себя моим опекуном? Почему не мою маму? – продолжала удивляться я.

– Я ее отчество забыл! – простодушно ответил Лев Арнольдович.

– Надо было спросить!

– Чего ты привязалась?! – Он начал злиться. – Записал и записал. Забыли. Проехали!

Но я привыкла обращать внимание на едва заметные детали. Зачем вообще нужна была эта страховка, вопрос остался открытым. Накормив домочадцев, я позвонила Зулай, чтобы посоветоваться.

– Смотри, Полина! Если с тобой что-то плохое произойдет, Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдович деньги получат! Что-то здесь не так! – почувствовала неладное чеченка.

На телефоне замигала кнопка: кто-то параллельно пытался нам дозвониться.

– Алло, – сказала я в трубку.

– Заберите Глафиру из больницы, – отчеканил женский голос.

– Глафира в православном интернате! – ответила я.

– Уже нет. Ей сделали операцию под общим наркозом. Она принципиально полгода ногти на ногах не стригла!

– Что за безобразие?! – не сдержалась я.

– Мы отправили ее в больницу. Я православный педагог. Мы с нее носки не снимали, не проверяли. И учтите: заберете из больницы, в амбулаторных условиях надо проглистогонить. У нее опять глисты.

– Повезло покойникам, – вставил подошедший ко мне Лев Арнольдович. – Им ногти стричь не надо! Лежат себе в могиле спокойно!

По дороге в больницу мы разговаривали о будущем; я сетовала, что неизвестно, когда удастся выплатить кредит, а Лев Арнольдович, не зная, что Рахиль рассказала мне правду о завалившейся набок хибаре, похвастался:

– У меня в Сибири есть большой дом, вот продам его за миллион рублей и разбогатею!

– А потом что сделаете? – спросила я.

– Ну... – Лев Арнольдovich задумался. – Помогу тебе дневники издать, детям хорошее образование дам...

– На добрые дела, значит?

– Да! – кивнул он и отвернулся.

Глафиру мы забрали.

До двух часов ночи она смотрела телевизор, а мне с Ульяной и Любомиром в полседьмого нужно было ехать к Диме – опять появилась работа. Но Глафира заявила:

– Я больная! Мне все можно! – И показала на две забинтованные ноги.

Пришлось уступить.

Вытащив из общей кучи на полу одеяло и подушку, по которым весь день топтались взрослые и ребятишки, я, согнувшись, проникла в кухню и улеглась на узкую деревянную лавку, решив остаток ночи провести на ней. При малейшем шорохе я не стеснялась в выражениях:

– Вон отсюда! Пошли прочь, паразиты!

Домочадцы, лезшие в дыру, чтобы попить из-под кра-на водицы, молниеносно разбежались.

В отличие от них, бездельников, мой рабочий день начинался рано.

После работы я купила в магазине хлеба и сыра, чтобы Христофор, Аксинья, Глафира и Лев Арнольдovich поужинали. Не забыла и лекарство от глистов.

– У нас в доме снова такая грязь, что, если так и дальше пойдет, вернутся тараканы, – весело встретила меня Глафира.

– Тюка – феминистка! Она ходит на митинги, а меня бросает с детьми. И не кормит! – жаловался Лев Арнольдovich, обрадовавшись хлебу и сыру.

Марфа Кондратьевна собиралась на митинг, как на парад, обвешавшись разноцветными ленточками.

– Ночь людей, не согласных ни с чем! За голубых и розовых! Будем митинговать до рассвета! Идем с нами, Полина! – позвала она.

– О нет, это заразно, – ответила я. – Пока у вас не завелись тараканы и мыши, пойду выгребать мусор.

Марфа Кондратьевна смерила меня презрительным взглядом:

– Если думать о чистоте, мы не сделаем в России революцию!

Взяв картонную коробку с миниатюрными календарями, на которых красовалась физиономия Ходорковского, Марфа Кондратьевна пояснила:

– Буду раздавать бесплатно! Чтобы все знали – невинного человека осудили! Героя! За свои деньги напечатала. С одной стороны полезная штука – календарь, а с другой – портрет осужденного...

Вернувшись с пустой коробкой под утро, Марфа Кондратьевна решила подискутировать на тему защиты Ириса Тосмахина.

– Надо и с его портретом календари и пакеты заказать, – потирала руки правозащитница.

Лев Арнольдovich, привстав с диванчика в прихожей, где дремал, обложившись кошками, не удержался от замечания:

– Защищать надо по совести, а не с хитростями, Тюка.

– Я верующая христианка, а Тосмахин – атеист, значит, мракобес, – заявила в ответ Марфа Кондратьевна.

– Так нельзя говорить о том, кого защищаешь! – заспорил Лев Арнольдovich.

– Ты сам атеист! Атеист! – заорала Марфа Кондратьевна, перебудив всех. – Как я еще тебя в доме терплю, безбожника!

– Ага, – нашелся Лев Арнольдович, – атеисты мы, значит, пред тобой, пред святой матроной Тюкою. – И тут же сочинил стишок: – Атеистик-дурачок! Превратись в половичок!

Окончательно проснувшись от громкого спора, мы с детьми зашлись от хохота, а Марфа Кондратьевна сказала, строго посмотрев на шкаф:

– Последнюю неделю ты, Полина, Любомира и Ульяну нянчишь. Отдам их в детский сад!

И я, и Тюка – мы обе прекрасно знали, что ни один детский сад в радиусе стакилометров их не возьмет. Никто не хотел закрываться на карантин из-за антисанитарии. Но это был тревожный звоночек для меня – скоро на улицу.

Христофор и Ульяна затеяли сражение плюшевыми зверятами: крокодилом и питонами. Дети брали друг друга в плен, бегали по квартире, визжа и хохоча. Соседи шум стоически терпели, а Тюка злилась.

– Полина, сейчас же запрети им играть! Не могу их слышать! Пусть заткнутся! – орала она.

– Ты никогда не играешь с нами, а Полина играет! – сказал матери Христофор, а затем добавил: – Я люблю Полину больше, чем тебя!

– И я! И я! – поддержали брата Любомир и Ульяна. Глафира заплакала:

– Любомир с Ульяной пойдут в садик, а Полину прогоните? Так, что ли? Что же мы будем делать?!

Марфа Кондратьевна скривилась:

– Нет, не прогоним пока.

Виктории помощь на сегодня не требовалась. Взяв Любомира, Ульяну и Христофора, я отправилась с ними в зоопарк, где они ни разу не были. Мы смотрели на слонов и жирафа. Запускали бумажные кораблики в ручейке. На территории зоопарка меня не оставляло острое чув-

ство безысходности, я просто физически ощущала, что всем обитателям зоопарка плохо, что они несчастны. Печальные пленники бессмысленной и жестокой тюрьмы. Дети с любопытством рассматривали зверей, а у меня в глазах стояли слезы. Сколько еще должно пройти столетий, чтобы у людей включилось сознание, или они так и останутся на примитивном уровне бездушных потребителей...

Запертый с Глафирой и Аксиной в четырех стенах, Лев Арнольдович напился вина и стал читать стихи. Желая добавить горячительного пойла, он вытащил из закров спиртовую настойку на меду. Марфа Кондратьевна пыталась бутылку отнять, и когда мы вернулись, они забавно боролись.

– Изыди, Тюка! – надрывался Лев Арнольдович. – Изыди, глупая баба!

Отхлебнув спирта с медом, он начал истошно орать строки Лермонтова.

Соседи колотили в стену чем-то звонким, похожим на половник, и матерились. Лев Арнольдович прислушался, глотнул еще алкоголя, а затем сочинил:

*Смотрю я в глубь глубин
И, не моргнувши глазом,
Доживши до седин,
Все выпиваю – разом!*

Мама жила без малейшей помощи от государства или правозащитников – никаких компенсаций на лечение и жизнь после войны. В столице у нее не было даже места на шкафу, как у меня. Раз в неделю я отправляла ей гроши, все, что зарабатывала, оставляя крохи себе и детям на еду. Мама сообщала последние новости: бо-

лит сердце, она ходила в сельский Дом творчества, где молодая цыганочка – дочь соседа Ворона – танцевала на празднике.

– Пальцы на ногах отморозила, сидя в ледяном доме. Нужны дорогие мази! Все из-за Марфы Кондратьевны – аферистки, – плакала в трубку мама.

Я слушала ее, а сама вспоминала сон. Мне приснился мертвый кот, черный, худой, с короткой шерстью. Его последним пристанищем стал берег холодного моря. В гравии лежать неудобно, и я решила кота перезахоронить. Откопала и с молитвой отнесла к песчаной яме. Внезапно кот, истлевший, с одним глазом, ожил. Он громко мяукал, царапался и никак не хотел ложиться в новую могилу. От воскресшего кота несло смрадом, и выглядел он жутковато. Кот выбрался из ямы и припустил за мной. Ни стены, ни двери не останавливали кота-зомби. Он проходил сквозь любые предметы, терся об ноги и хитровато посмеивался в усы. Я не знала, как избавиться от него. Ни молитвы, ни слезы не дали результата. Поймав кота сачком для рыбы, я приняла решение утопить его в бочке с водой. Стояла и смотрела, как булькают пузыри. Мысли не давали покоя. Как можно топить живое существо? Или мертвое?! Что же я делаю?! Но как только злодейство свершилось, мертвый кот вновь оказался у моих ног.

В ужасе я обратилась к Аллаху. Но ответа не было. Тогда я обратилась за помощью к покойному дедушке Анатолию. Он мгновенно появился. У дедушки было прекрасное молодое лицо и длинные седые волосы. Таким я и помнила его из своего детства. Дедушка внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Зачем ты, Полина, открыла могилу? Того, кто откроет могилу, ждет печальная участь: его будет преследовать тот, чей сон он нарушил!

– Что же делать? – спросила я.

Дедушка позвал трех женщин. Одна из них, Вера, была мачехой моей матери, двух других я совсем не знала. Женщины принесли восточные сладости: рахат-лукум, орехи, имбирь. Они развели костер и бросили сладости в огонь.

– Чувствуешь аромат? – спросил меня дед. – Это аромат сна.

– Ты к песчаной могиле не ходи! – запретили мне женщины.

Ароматом, исходящим от костра, они усыпили воскресшего кота, а меня заставили поклясться, что я никогда не потревожу ни одну могилу. И я, конечно, обещала.

– Только один раз я тебя выручил, но более это не в моей власти! – предупредил дедушка.

А затем он и его спутницы слились с закатом.

Виктория вызвала меня довольно неожиданно – ближе к вечеру, и поскольку график стал плавающим, это выглядело нормально. Никакой альтернативной работы у меня все равно не было.

Заметив, что у Димы повысилась температура, я попросила Льва Арнольдовича приехать и забрать Ульяну с Любомиром, а сама осталась в Ясенева.

Посреди ночи в квартиру вбежала Виктория. Она рыдала. Первое, что сделала взволнованная женщина, это забаррикадировала входную дверь. Оказалось, что они с мужем кутили в клубе, а затем муж ее ударил.

– Я сидела с другим парнем в машине, курила! – плакала она. – Муж вытащил меня из машины, возил по асфальту. Затем подбежали друзья и заперли его в туалете. Он убьет меня! Убьет! – Виктория обзванивала знакомых в разных городах, пересказывая эту историю, а я качала на руках Диму.

Добравшись утром до дома, я обнаружила, что на шкафу дети рассыпали конструктор Lego, а выстиранное мною постельное белье обоссали кошки. Правозащитников ничего не смущало, они невозмутимо таращились в телевизор.

Увидев меня, младшие дети оторвались от экрана:

– Полина, ты принесла поесть? Живот от голода сводит!

– Нет ли хлебца? – подскочил ко мне Лев Арнольдович.

Я сказала Льву Арнольдовичу, что не спала всю ночь и очень устала. Он понимающе закивал, а затем пропустил меня к раскладушке.

– Хлебушка! Молочка! – продолжали жалобно просить Любомир и Ульяна.

Я дала Христофору тысячу рублей.

– Завоеватель, ты готов выполнить команду?

– Да! – обрадовался он.

– Купи молока, хлеба, сахара, колбасы, масла, сыра и какао. Ясно?

– Ура-а-а! – понеслось ликование по всей квартире.

– Я с ним. Проконтролирую. – Лев Арнольдович засеменял за сыном.

Христофор, бегавший по дому в одних трусах, сунул ноги в резиновые сапоги розового цвета и, набросив на плечи старый отцовский тулуп, побежал без штанов в магазин.

Дойдя до раскладушки, я рухнула спать.

Марфа Кондратьевна явилась домой хмурая – ей выписали внушительный штраф за нарушение общественного порядка. К тому же у нее начался тик левого глаза.

– Как они посмели! Ироды! – Ее возмущению не было предела.

Лев Арнольдович, воспользовавшись подавленным состоянием супруги, выудил часть детского пособия, купил

мешок картошки и подсолнечное масло, а еще втайне от Тюки приобрел два билета в театр.

– Я прикрою, – пообещал он мне, – посижу с детьми. Сходите с Глафирой в театр на спектакль «Сотворившая чудо».

Тюка, увидев, что Глафира собирается в центр города, но ничего не зная о театре, вручила ей авоську.

Лев Арнольдович, заметив это, взбесился.

– Ты хочешь, чтобы она выглядела как женщина шестидесяти лет?! – взревел он и в сердцах выхватил из рук дочери авоську. Та зацепилась за шуруп, вкрученный под потолком, и Лев Арнольдович на мгновение завис в воздухе.

Марфа Кондратьевна довольно захохотала, а мы с Глафирой отправились в РАМТ.

Спектакль мы смотрели с самых дальних рядов, открыв рот, потому что у меня вместо театра была война, а Глафира в таких местах появлялась редко. Мне хотелось танцев и веселья, но спектакль оказался грустным.

Глафира вышла из театра заплаканной, и мы отправились гулять по Москве. Постояли у «Метрополя». Обошли вокруг собора Василия Блаженного. Напротив Кремля увидели кафе. Какие-то люди, словно из другого мира, пили там чай. Потолок в кафе был разрисован инопланетными тарелками и гостями с других планет. Цены в меню предупреждали, что простым землянам туда вход воспрещен.

У Глафиры зазвонил мобильный телефон, и ученица православного интерната соврала не моргнув глазом:

– Папа, мы в метро!

И я, как настоящий абрек, немедленно это подтвердила.

– Правда, невидимая летающая камера нас все равно видит... – сказала Глафира, убирая телефон в карман.

– Кто? – удивилась я.

– Колдовство! – ответила она.

Что она имела в виду? Несмотря на мои вопросы, объяснений не последовало. Посмотрев на куранты, мы пошли прочь от кафе. Парни и девушки целовались у фонарей. Повздыхав о ненайденном счастье, мы утешились пирожками с капустой.

Следующий день – воскресенье – не принес лада в семью Тюки. Христофор метался из угла в угол, плевался и орал как полоумный:

– Спасите! Помогите! Мама хочет утащить меня в церковь! Полина, не позволяй ей это с нами делать! Папа, спаси!

Лев Арнольдович в христианские таинства не вмешивался. Когда удавалось, забирал Аксинью и подолгу гулял с ней в лесу.

Любомир и Ульяна пытались спрятаться от матери, но их быстро нашли, отшлепали и повели на исповедь.

Аксинья бесилась и, если ее вовремя не уводили в лес, могла подойти, показать коричневую шапку, бумагу или гранулу из кошачьего лотка, а затем дать матери кулаком в лицо. Она рычала и мычала одновременно. Ее возмущал шум, и она безошибочно определяла его источник, предупреждая, что действовать будет решительно. Но поскольку, кроме меня и Льва Арнольдовича, все считали затею с цветовой гаммой совершенной бессмыслицей, то увернуться они не успевали.

Мы с Глафирой по очереди отбирали у Христофора нож, с которым он намеревался подойти к батюшке на проповеди, чтобы «все быстрее закончилось». Христофор носился по квартире, стараясь воспрепятствовать матери себя одеть. Будучи пойманным, он снимал носки, бросая их с размаху в родительницу. Не выдержав непо-

слушания, Тюка дала волю рукам, и на любимого сына градом посыпались тумачи. Тут он вспомнил о том, что можно спрятаться за меня, что и сделал.

Когда они наконец вышли на улицу, Марфа Кондратьевна орала:

– Ненавижу Полину! Как она может все время улыбаться, что бы ни происходило?!

19 марта 2007 года, перед своим двадцать вторым днем рождения я отправилась по объявлению «Требуется няня». Выйдя из метро на «Беляево», я села на автобус и проехала несколько остановок. Потом нужно было пройти метров двести через дворы.

Собеседование назначили на семь вечера.

Фонари горели тускло, тревожно дул порывистый мартовский ветер. И я чувствовала всю безнадежность своего положения. Что у меня за плечами? Ничего. Ни дома, ни семьи, ни наследства, ни счета в банке. Только десять лет войны и загубленное здоровье. Плюс больная мать, кредиты и чужая семья, в которой меня полюбили дети.

– О Аллах! – сказала я вслух. – Я выжила на войне, но потеряла здоровье. Я видела геноцид. На меня падали бомбы. Ты слышишь? Завтра мой день рождения! Я не прошу у тебя любви или дома. Я прошу работу. Мне нужна работа, чтобы мать не умерла с голоду, а сидела в комнатке, пусть без удобств, но под крышей и сытая!

Произнося этот монолог, обращенный к безучастному московскому небу, я заметила, что навстречу мне спешит шустрый старичок. Я не могла понять, отчего старый человек старается идти все быстрее, шкрябает тростью об асфальт, стучит ботинками и повизгивает, как неразумное дитя.

Присмотревшись, я сообразила, что ускорился старичок не просто так: он бежал за денежной купюрой в сто рублей! Пытаясь наступить на нее ботинком, пожилой мужчина одновременно стучал по асфальту тростью, но коварная бумажка, подгоняемая ветром, упорно летела от него прочь.

Расстояние между нами стремительно сокращалось, и у меня промелькнула мысль, что вот он, мой подарок – сто рублей. Я заулыбалась, понимая, что у старика нет никаких шансов. Можно купить маленький бутерброд с красной рыбой, или большой пакет сухарей и кока-колу, или пачку чая и сладкий рулет, но ветер, кусавший меня за щеки и нос, внезапно стих, денежная купюра замедлила ход, и старик нагнал ее у фонаря, наступив ботинком.

– Моя денежка! Моя! Куплю гречки! – закричал он с таким жаром, как будто поднимал флаг над Рейхстагом.

– Вы молодец! – похвалила я старика.

– Бегу за столбиком второй квартал! – Он с вызовом посмотрел на меня.

Я поплелась дальше. Ни подарка, ни праздника.

Потенциальным работодателям я показала дипломы и рекомендации. Однако на работу меня не взяли.

– Мы ищем няню в два раза старше, – сказали они.

– Я же назвала вам свой возраст по телефону! – в отчаянии сказала я.

– Да! – ответила мать ребенка. – Но мы-то с мужем подумали, что вы некрасивая, жирная, возможно, косая на оба глаза! А вы красавица! Вы не можете работать няней!

Темные облака от усилий ветра рассеялись, небо стало звездным. И мне захотелось выкурить сигарету, как делал мой названный брат Николая. Мир стремительно падал в тартарары.

На свой день рождения я купила кремовый торт, дети Тюки и сыновья Ларисы набросились на него, как пираньи, и даже Марфа Кондратьевна бросила мастерить транспарант и присоединилась к нам. Но как только Ульяна и Любомир, перепачканные кремом, завели разговор о моем удочерении, Тюка не выдержала, громко выкрикнула: «Не-е-ет!» – и с куском торта ретировалась в кабинет.

Лев Арнольдovich читал стихи и поднимал тосты за мое здоровье.

Христофор вручил мне испанский галеон с помятыми парусами и кривой мачтой, водруженный на деревянный постамент. Такой можно поставить в сервант или на полку, если есть дом. У меня дома не было. Глафира и Ульяна торжественно вытащили из-за буфета коробку шоколадных конфет.

– Мы полгода деньги копили, – признались девчонки.

Семья Халила тоже пришла на праздник и, воспользовавшись моментом, подбросила нам щенка. До этого они носили собаку в церковь, но их оттуда выгнали прихожане. Родители Ларисы о собачьем детеныше слышать не хотели.

– Шестеро детей! А теща и тесть не прописывают меня в Москве! – жаловался Халил. – Живу в столице на птичьих правах. Я был мусульманин, а стал христианин! Что им еще нужно?! Почему не прописывают?! Нет прописки – нет жизни!

Коты недоуменно таращили глаза на щенка. Он звонко лаял, прудил в квартире, и, разумеется, никто, кроме меня, за ним не убирал.

К вечеру Лев Арнольдovich объявил, что мы едем к волшебнику. Я, Глафира, Аксинья, Ульяна и мальчишки собрались и выдвинулись в путь по знакомому маршруту.

– Смотри, я купила себе кроссовки! – на ходу похвасталась я Глафире. – Ноги стали меньше уставать, чем в сапогах. Мои первые кроссовки в двадцать два года!

– Здорово! – отозвалась она.

В этот раз в Чехове нас угощали картошкой с овощами. Мясо хозяева не ели, как и я. Моя прабабушка Малика когда-то ввела закон: не есть свинину. Таков был завет в память об отце-чеченце, хотя девочкой ее из горного села забрала мать, крестила и нарекла Юлей. Юля-Малика все равно знала, что есть свинину нельзя. Не ели свинину и мои бабушка с дедом, и мать с отцом. Говядину, баранину, курицу я не любила и ела только рыбу, и то редко. Так что овощи с картошкой пришлось мне по вкусу.

За праздничным столом я узнала, что Потап исполняет пророческую миссию на Земле и проповедует в Подмосковье и в Сибири, а летними месяцами ездит на Кубань.

– Потап помогает бездетным женщинам зачать ребенка, – важно сказала Анфиса.

– Дети – это хорошо! – поддержал разговор Христофор.

– Мне за это деньги платят! – похвастался Потап.

Я и Глафира очень удивились тому, что услышали, а Лев Арнольдович хитровато посмеивался, видимо зная о своем друге гораздо больше.

– Душа и тело должны быть связаны между собой! Иначе нет гармонии, – несколько раз повторил Потап. – Люди приезжают издалека и записываются ко мне на сеансы.

Потап старался выглядеть моложе своих лет. Мне же казалось это чем-то надуманным, странным. И еще: на Кавказе принято держать слово, а он так и не разъяснил мой гороскоп.

Потап не переставал бахвалиться, что, если бы не он, Фирюзе никогда бы не стало легче.

– Теперь она говорит! Понимает! А раньше была как тыква!

Анфиса подтверждала каждое слово Потапа.

– Как вы ее лечите? – спросила я. – Ведь над этим бьются ученые! Аутичных детей все больше на свете...

– Это секрет! – ответил Потап.

«Слишком много секретов», – подумалось мне.

– Все верующие в Бога ненормальные! – встряла Анфиса. – А мы – продвинутые шаманы!

Они наперебой называли места силы в Хакасии, где живут духи шарообразной формы.

– Это плазмойды! Они обитают там, где чистая энергетика! Еще они являются к людям, чтобы предупредить о будущем!

– Плазмойды приходят к нам в дом! – сказала Фирюзе. – Их много собирается, когда приезжает Полина...

Я глядела на красавицу Фирюзе, и мне хотелось верить, что она поправится, сможет выйти замуж, прожить нормальную жизнь.

Мы с детьми бегали по комнатам, играли, пока остальные пили вино и говорили о мистике. После нашли во дворе гамак и качались на нем, кружились на качелях и сражались в шахматы.

Когда Лев Арнольдovich пошел в баню, Потап и Анфиса заявили:

– Лев – каблуком примятый! Тюка его как-то выгнала из дома, и он полгода жил на теплотрассе! А еще год у Суслика! Своего дома у него нет, хата саманная в Сибири и та травой поросла.

– У Суслика? – удивилась я.

– Есть такой ханурик. Квартиру Лев продал, чтобы оплатить учебу дочерям от первого брака! Они окончили университеты, им давно за сорок, и все равно до сих пор выпрашивают у отца деньги. А дома у него никогда не было, хатка без удобств...

– Ну и дела! А я свою маму с младших классов школы содержу! – вытаращила глаза я.

– Ты особенная! Если тебе в сумасшедшей семейке Тюки будет совсем невмоготу, ты можешь пожить у нас. Дом большой! – предложили Анфиса и Потап.

– Спасибо! – обрадовалась я.

Христофор сознался Потапу, что ворует по карманам:

– Мама молилась в кабинете у икон, била поклоны, а я за ее спиной обчищал кошелек и про себя бормотал: «Десятка, еще десятка, пятьдесят...» Мама неожиданно повернула голову, и я спрятал деньги в карман, а когда выбежал из кабинета, обнаружил, что с десятками захватил бумажку в тысячу рублей! Пришлось красться обратно, и я как честный христианин вернул тысячу, обменяв ее на десятку.

– Почему ты берешь только десять или пятьдесят рублей? – спросил Потап, притворно нахмутив брови.

– Я – православный христианин. Стащить больше мне совесть не позволяет! – объяснил Христофор.

Мы повалились от смеха на мягкие подушки, разбросанные по коврам.

Лев Арнольдович после бани выглядел довольным. Он подошел к резному окну на втором этаже и закричал:

– Я вижу! Вижу!

– Что ты видишь? – оживились все.

– Я вижу звезду, представляете?! И на мне нет очков! Что же это за звезда? – изумленно воскликнул Лев Арнольдович.

Потап выглянул в окно:

– Это Луна!

На следующий день Христофор нашел высоченное дерево в Битцевском парке и, словно дикая кошка, взобрался на него.

– В Чехове хорошо, а дома лучше! – твердил он.

«Если он сорвется с такой высоты, то разобьется насмерть», – подумала я. Лев Арнольдович был на редкость спокоен. Он сел на корявый пень рядом и загорланил песню. Щенок ликующе лаял рядом.

– Неужели вам не страшно за сына? – спросила я Льва Арнольдовича.

Он махнул рукой, приказав мне умолкнуть.

– Папа верит, что, когда страшно, нельзя говорить об этом вслух, – прошептала Ульяна.

– Иначе страх обретет силу, – поддержал сестру Любомир.

Христофор покачался над нашими головами и благополучно спустился. Он не ведал страха высоты.

Двинувшись вдоль ручья, наша компания заметила поваленную над оврагом сосну. Христофор моментально перебрался по ней на другую сторону, за ним проползли Ульяна и Любомир, а я застряла на середине. Высота была на уровне второго этажа, но у меня закружилась голова. Сосна под ногами вздрагивала, скрипела, покачивалась, и я не могла сдвинуться с места.

Лев Арнольдович подал мне руку. Вместе мы перешли овраг.

– Нельзя концентрироваться на страхе ни словом, ни мыслью, – сказал он.

– Где вы это узнали? – спросила я.

– Прочел в молодости в какой-то умной книге, – буркнул он.

Мы отнесли щенка к знакомым Риты и Мойши, которые согласились приютить его у себя на даче, а затем еще погуляли в лесу.

После обеда настало время уроков. Христофор и Лев Арнольдович уселись решать задачу: «Маше десять лет,

а Кузьме четыре. На сколько лет Маша старше Кузьмы?»
Ее задал батюшка Феофан.

Под конец учебного года с помощью уговоров и подарков Христофора удалось вернуть в школу на пару дней в неделю, и Лев Арнольдович на радостях пообещал, что будет делать уроки с сыном.

Минут сорок отец и сын препирались, но так и не придя к согласию, начали бегать по комнате и бросаться друг в друга предметами, что попадались под руку.

– Бездарный глупец! – кричал Лев Арнольдович.

– Мама говорит, что ты старый дурень! – не оставался в долгу сынок.

– Неблагодарный поросенок!

– Сивый мерин!

Оказалось, что каждый из них решил задачу по-своему.

– Я старый математик, – визжал Лев Арнольдович. –

Я все знаю!

– А я молодой, но опытный! – парировал Христофор.

В ход пошли табуретка и швабра.

Я крикнула из кухни:

– Подсказать ответ?

И услышала:

– Заткнись!

Они спорили еще минут десять, а затем Христофор притащил учебник мне.

– На шесть лет! – с ходу заявила я.

– Да?! – удивился Христофор. – А мы с папой решили, что на четыре! И спорили, что писать в тетрадке: просто «4» или «на 4 года».

Лев Арнольдович почесывал бороду и молчал.

Пока вся семья ела приготовленную мной рисовую кашу с сухофруктами, Христофор баловался.

– Я д'Артаньян! – кричал мальчишка, и, схватив табуретку, которую принес из комнаты отца, он подбросил ее

вверх прямо над столом. Табуретка ударилась ножками о светильник, и тот, сорвавшись, рухнул к Марфе Кондратьевне в тарелку.

– Мой сыночек сильный! – похвалила его Тюка.

Христофор повеселел и объявил, что не ляжет спать сам и никому не позволит, а будет стучать в бубен. Бубен он соорудил из двух жестяных мисок для котов. Он бил в бубен руками и отбивал ритм ногами до трех часов ночи, а я вешала светильник обратно: вместо трех ламп в нем теперь горела одна.

Мне почти удалось уговорить мальчишку отправиться спать, но Марфа Кондратьевна была за веселье. Лев Арнольдович, чтобы не спорить с женой, закрылся в своей комнате и притворился тугоухим, а Ульяна и Любомир врубали мультики, которые могли смотреть бесконечно.

Обреченные соседи постучали в стену и затихли. У них не было такого жизненного запала.

В четвертом часу утра я вошла ко Льву Арнольдовичу и потребовала утихомирить сына.

– Папа, ну сделай же что-нибудь! – поддержала меня Глафира.

Лев Арнольдович нехотя вышел, схватил Христофора за шкирку и поволок к себе. Христофор вырывался и кричал:

– Убивают! Изверги! Ненавижу!

– В тебе погибает великий артист! – сказал Лев Арнольдович, поддав сыночку ногой под зад. Правда, перед этим он убедился, что Марфа Кондратьевна его не видит.

Поутру Христофор выглядел довольным. Он бросался в меня монетками, наворованными в карманах гостей, признавался в любви и ухитрился добиться поцелуя в щеку. После этого я пошла на почту, заплатила взнос по кредиту, а на оставшиеся деньги купила небольшой ягодный торт детям.

В метро нежданно-негаданно мне повстречался Лев Арнольдович с Аксиньей. Плотоядно уставившись на торт, они уговорили меня поехать с ними к другу по прозвищу Диссидент Суслик. Это звучало невероятно: Суслик был человеком преклонных лет.

– Не обращай внимания на хаос в его квартире. Он не убирается много лет. Разуваться там нельзя! Все в паутине! – последовало будничное предупреждение, перед тем как мы вошли в хрущевку у станции метро «Новые Черёмушки».

– Марфа Кондратьевна говорит: «Зачем убирать дом и мыть посуду, если потом все равно запачкается?», – напомнила я.

– Именно! Суслик тоже сторонник этой философии, – подтвердил Лев Арнольдович. – Только в отличие от бабыни Тюки прислугу он не держит и сам полы не моет.

– Диссидент Суслик – ваш старый товарищ? – спросила я.

– Однажды, поругавшись с Тюкою, я жил у него целый год! – улыбнулся Лев Арнольдович.

Оказавшись на площадке первого этажа, я безошибочно угадала, в какую дверь нужно стучать. Круглый дверной звонок не вызывал доверия: он болтался на оголенном проводке и выжидал жертву, чтобы ударить разрядом тока.

Суслик оказался тощим долговязым мужчиной с залысинами и жидкими прямыми волосами, немного закрывавшими уши. Он слегка заикался.

– Чай наливай! Друзья пришли! – велел ему с порога Лев Арнольдович.

– Шу-шу-шу! М-м-м! – требовательно промычала Аксинья, норовя укусить отца и одновременно вырвать торт из моих рук.

Выхватить торт ей не удалось: я давно привыкла к подобным маневрам, поэтому ловко увернулась. Стодвадцатики-

лограммовая Аксинья дралась как борец на ринге, и дай ей малейший шанс, отправила бы нас одной левой в нокаут.

В захламленном коридоре воняло мусорным ведром. Потрескавшийся светлый паркет был усыпан опилками и завален книгами. Во всех углах висела паутина. На поцарапанной, повисшей на одной петле вешалке болтался сдувшийся воздушный шарик белого цвета.

– Смотрите, – сказала я Льву Арнольдовичу, пока он заламывал Аксинью, чтобы она опять не впилась в него зубами, – здесь висит умерший надувной шарик, на котором написано: «Мир Чечне!».

– Так и есть, – захохотал Лев Арнольдович. – И название можно придумать к этой экспозиции: «Сумерки диссидента».

– Я – диссидент, – подтвердил Суслик, трогательно прижав руки к груди.

Сквозь грязные, заляпанные птицами и непогодой окна тек неровный свет, но хозяина квартиры можно было рассмотреть: пожилой мужчина в очках для слабовидящих людей, в слегка распустившемся на рукавах вязаном свитере и сильно потертых от времени американских вареных джинсах.

– Кем вы работаете? – спросила я его.

– Уже много лет занимаюсь контрафактом: записываю диски на пиратской студии. Иногда мне помогает Лев... платят там негусто... – Суслик грустно усмехнулся и вдруг представился: – Андрей Иванович. Но все зовут меня Суслик.

Пока мы ели торт, выяснилось, что Андрей Иванович всю жизнь боялся матери. Жестокая и деспотичная, она нещадно его избивала. Однажды он повстречал женщину, которая ему понравилась, и мечтал о браке. Но мать не позволила ему жениться. Он так и не узнал, что такое семья, безропотно подчинившись материнской воле.

Она продолжала диктовать, что ему делать, даже когда Суслику исполнилось шестьдесят лет. Мать диссидента жила на даче. В запущенной московской квартире он прозябал один.

– Почему вас называют Сусликом? – не очень корректно поинтересовалась я.

Андрей Иванович смутился.

– Это известная история, – встрял Лев Арнольдович, поедая торт столовой ложкой прямо из коробки. – Во всем Потап виноват. Пророком себя объявил! Решил всех вылечить. Суслик, если захочет, сам расскажет.

– Вылечить?! – удивилась я.

– Потап такое проповедует! – зашептал Суслик, вздрагивая и пугливо оглядываясь по сторонам. – Такое вытворяет!

– Потап считает, что один он нормальный, а все кругом – шизофреники, – перебил друга Лев Арнольдович. – Вот после первого сеанса он зашел в ванную руки помыть...

– И что? – удивилась я.

– А то! – ответил Лев Арнольдович. – Увидел Потап, что на стене в ванной комнате висит картина – суслик под кустом. Картину эту Андрей Иванович выкупил у художницы Риты. Потап полотно со стены снял, в рулончик скатал, в брюки запрятал и унес.

– Я сразу обнаружил пропажу и потребовал вернуть украденную вещь! – возмущенно вскричал Андрей Иванович, продолжая ежиться и вздрагивать. – Потап наотрез отказался. Он заявил, что у него были видения после питья, сваренного из священных мухоморов: мол, нельзя хранить в квартире изображение суслика. Он заявил, что я ассоциирую себя с этим сусликом и потому до сих пор еще девственник!

От смеха я чуть не выронила кусочек торта, а когда отсмеялась, поняла, что Лев Арнольдович и Диссидент

Суслик смотрят на меня недоуменно, поскольку и не собирались шутить.

– Воровать плохо! – приняв серьезный вид, заявила я.

– Поэтому я и не лечусь у Потапа! Я сказал, что больше видеть его, проходимца, не хочу! – заявил Суслик.

– Правильно, – одобрила я.

Домой я возвращалась под впечатлением. Лев Арнольдович, семеня рядом, сообщил, что Марфа Кондратьевна взяла Любомира с Христофором на митинг, чтобы приучать сыновей с младых лет к правозащитной деятельности.

– Надеюсь, ОМОН хорошенько отходит их дубинками! – вздыхал он.

Вернувшись с митинга, Любомир, Христофор и Марфа Кондратьевна наперебой пересказывали события дня.

– «Эхо Москвы» – смешное радио! – сказал Христофор.

– Ха-ха-ха! – заливалась Тюка.

– Чего это вы так развеселились? – удивилась Ульяна. – Вас не отлупили на митинге?

– Нет! – ответил Христофор.

– На «Эхе Москвы» обсуждали, что президент Путин огорчился, узнав, что солнце погаснет через семь миллиардов лет! – хмыкнула Марфа Кондратьевна.

– А его хотят выбрать еще на семь лет! – тархтел Христофор.

– Зачем? – не поняла Глафира.

– По радио сказали, что его надо выбрать на семь миллиардов лет – и пусть правит, пока солнце не погаснет! Вот как они пошутили! Ха-ха-ха! – взхлеб рассказывала правозащитница.

– Когда люди на митинге кричали: «Свободу узникам!» – я кричал матери: «Дай десятку! Дай десятку!», – похвастался Христофор.

– А милиция на него злобно смотрела, – с восхищением добавила Марфа Кондратьевна.

– Я узнал, что в нашей стране есть ядерная кнопка! Если эту кнопку нажмут плохие дяди, все умрут! – сказал Христофор.

Любомир снял трусы и заявил:

– У меня такая кнопка тоже есть!

Проснулась я от гремевшего на весь дом звонка. На проводе была Виктория. Я указала на сайте поиска работы ее телефон, так как номер Тюки по понятным причинам указать не могла.

Виктория получила сообщение: по соседству требовалась няня для малыша. Поблагодарив за информацию, я тотчас отправилась на собеседование.

Мать малыша оказалась прелестной миниатюрной женщиной с нежными голубыми глазами и волосами пшеничного цвета. Ее супруг отличался исполинским ростом и внимательным, долгим взглядом. На ум сразу пришла песня Высоцкого о путанице в джунглях. И я прозвала их про себя Бизон и Антилопа.

Антилопа вручила мне младенца и сказала, что его зовут Никита. Пока я баюкала ее сына, она задавала вопросы:

– Вы учитесь, Полина?

– Да, заочно, в университете.

– Есть опыт работы с детьми?

– Вот рекомендации.

Антилопа стала читать рекомендательные письма Ларисы и Виктории.

– Вы мне нравитесь. И дипломы хорошие, рекомендации... – участливо вздохнула она. – Но вы так молоды... Нашей прежней няне было за семьдесят.

– Мне исполнилось двадцать два года!

– Мало! Слишком мало! – Она покачала головой.

– Я справлюсь. Пожалуйста. Мне очень нужна эта работа.

Светловолосый голубоглазый мальчик на моих руках улыбнулся.

– Что нужно делать, если малыш проглотит мелкую игрушку? – спросила Антилопа.

– Перевернуть его, наклонить и похлопать по спине, – быстро ответила я. – Еще в отрочестве я нянчила детей, помогала соседкам в Грозном.

– Верно, так и нужно делать... – Антилопа повеселела.

– Возьмете меня на работу? – с надеждой спросила я.

– Мы подумаем, – сказал на это Бизон.

В моей практике подобный ответ означал вежливое «нет». Я почувствовала себя несчастной. Люди мне понравились, и опять отказ.

Заглянувший из маленькой прихожей старший брат Никиты, которому на вид было лет одиннадцать, хитро подмигнул. У него под мышкой виднелась увесистая книга о Гарри Поттере.

– Волшебство существует! – сказал он.

В отличие от семьи Тюки дети Антилопы и Бизона выглядели ухоженными, а родители показались мне вменяемыми людьми.

Оказавшись в безвыходном положении, я попыталась найти работу через агентство, но сразу наткнулась на аферистов и разоблачила их схему: няне предлагали поговорить с «бабушкой» или «мамой» ребенка. На самом деле, зная о невероятном количестве безработных, в игру вступали жулики. Они притворялись родителями ребенка. По телефону «бабушка» разводила меня более полчаса, затем сказала, что я идеально подхожу на должность гувернантки и нужно пройти собеседование

с их семейным психологом. Я была в недоумении, так как сама училась на психолога. Для встречи мне продиктовали адрес агентства в центре Москвы. Круг замкнулся.

Придя по указанному адресу, я оказалась в компании двухсот человек. Все они поговорили с «бабушкой» и были направлены к «психологу», который попытался выудить у них деньги и документы.

Я рассматривала женщин, молодых и не очень, вглядывалась в их лица – почти каждая разгадала обман, но так отчаянно нуждалась в работе, что продолжала молчать. Даже когда «психолог» прямо сказал, что за десятиминутное собеседование нужно заплатить тысячу рублей, безработные женщины согласились отдать последнее. Кто-то предложил «психологу» серьги, кто-то отдал свой телефон. Люди были похожи на запуганное стадо баранов, подпавшее под гипноз. Я набрала «бабушке» по мобильнику, который мне одолжил Лев Арнольдович, и громко сказала, что разгадала их схему, после чего послала ее на три буквы. А потом подошла к заплывшему жиром лысоватому «психологу», разорвала свою анкету на мелкие кусочки и швырнула ему в лицо.

«Психолог» восседал на единственном на весь холл стуле, остальные стояли. Таким образом нам сразу дали понять, кто есть кто.

– Ты жалкий аферист, как и вся эта грязная конторка! – сказала я.

– Пошла прочь! – взвизгнул мужчина.

– Я уйду, – сказала я. – И всем приличным людям советую это сделать! Немедленно! Здесь нет ничего, кроме лжи и коварства. Толку не будет! Это не работа!

Я посмотрела по сторонам: женщины прятали глаза.

– Это разводка! – заорала я. – Очнитесь!

Все молчали.

На улице моросил дождик.

У остановки меня нагнала девушка.

– Вы единственная! – кричала она, перекрывая шум несущихся по трассе автомобилей. – Вы единственная, кто сказал негодьям правду в лицо! Все побоялись и... остались! На меня тоже оцепенение нашло. Я снимаю комнату в общежитии. Там упадок, крысы, канализация не работает. Моя мать живет со мной без прописки и пенсии. Я давно ищу работу. Выдохлась. Была готова отдать им последние деньги. От ваших слов я очнулась. Меня словно током ударило: они ведь деньги выкачают и скажут, что я им не подхожу.

– Так и есть, – кивнула я.

– Спасибо вам! – сказала она.

Подошел мой автобус.

«Конечно, – подумалось мне, – это не первая и не последняя разводка в жизни, в большом городе полно аферистов». Война научила меня никому не верить и все проверять и перепроверять по нескольку раз.

Обойдя детские сады и школы в ближайших районах, я не переставала удивляться, как можно предлагать зарплату, на которую даже нельзя снять комнату. Зарплата не соответствовала арендной плате. Одежда моя изорвалась, из обуви остались целыми только кроссовки. Личного мобильного все так же не было.

Следовало действовать немедленно. Няни в семьях получали на порядок больше учителей, и на это с трудом, но можно было существовать. Тянуть на себе запущенный дом, проживая жизнь рабыни, мне не хотелось. Помочь, накормить – одно дело, а пахать бесплатно и круглосуточно – нет.

Зная, что мне некуда уйти, Марфа Кондратьевна до того обнаглела, что начала вырывать у меня трубку телефона во время разговора с матерью.

– Ты уже пять минут разговариваешь! Хватит! Работай! – орала Тюка.

– Мне звонит мама!

– А я считаю, что с тебя хватит! Что тебе эта мама?! Будет у тебя три минуты в неделю за уборку и готовку, иначе вообще не позволю говорить по междугородке!

Пол, несмотря на ежедневную уборку, был усыпан крошками, огрызками, игрушками, он был липкий от разлитого сладкого чая и вонял от кошачьей мочи. Не проходило и получаса после моей уборки – и квартира, как в страшной сказке, возвращалась в прежнее состояние. Пятеро детей, двое взрослых, два кота и кошка плюс бесконечные гости восстанавливали «порядок» в доме в считанные минуты.

Запах кошачьего лотка давал о себе знать, начиная с первого этажа. На наполнителе правозащитники экономили, поэтому менять его разрешалось раз в месяц.

Ночью к нам прибыла гостя. Проснувшись, я недоуменно глянула вниз: короткостриженная женщина спала в дорожной одежде на сломанном кресле, подложив под ноги плюшевого крокодила.

– Кто это? – спросила я хозяев дома.

Марфа Кондратьевна не ответила. Лев Арнольдович, увидев реакцию жены, тоже.

Их квартира стала перевалочной базой для разных подозрительных личностей из мира беженцев, мафии и правозащитников.

Я спустилась и осветила фонариком дорожную сумку. На бирке удалось прочитать имя владелицы. Оказалось, что на поломанном кресле похрапывает сама Сусанна Черешнева. А ведь она сделала громкое заявление в прессе, что в России ее преследуют спецслужбы и она безвылазно сидит в Европе. И вот она в Москве собственной персоной...

– Сусанна добиралась окольными путями, через Белоруссию. Так делают европейские чеченцы, которые втайне мотаются домой, – объяснила Марфа Кондратьевна, поняв, что я догадалась, кто ее гостья.

В это время мне позвонила Виктория.

– Привет, Полина! – сказала она. – Ты как?

Странный был вопрос, но я честно рассказала, что идти мне некуда, по-прежнему нет ни работы, ни жилья.

– Слушай, – продолжала Виктория. – Диму увезли к бабушке. Мы мирно разводимся с мужем. Ключи от квартиры возьми у консьержки. Смотри телевизор и ешь все, что найдешь, пока нас нет дома.

Предложение выглядело невероятно заманчивым. Ключи я взяла.

Сидя на диване в квартире Виктории, я включила фильм «Мистер и миссис Смит» с Брэдом Питтом и Анджелиной Джоли. Примерно на середине фильма на стационарный телефон позвонила Антилопа.

– Здравствуйте, Полина, – торопливо сказала она. – Я прошу вашей помощи! Дело срочное!

Слушая ее взволнованный голос, я поняла, что не зря просила у Алаха работу.

– Признаюсь, мы с мужем вас не выбрали. Мы выбрали другую няню, в почтенном возрасте. Нашли ей на всякий случай замену – тоже пожилую женщину. Но в первый же день наша новая няня слегла. У нее внезапно поднялась высокая температура. Мы позвонили другой няне, но к ней звонок не проходит. Похоже, что сломан телефон! Поэтому мы с мужем просим вас присмотреть за Никитой. Всего неделю. Мы вам заплатим. А наша няня тем временем обязательно поправится. Мы не можем бросить офис, нам срочно нужна помощь.

Неделю не скитаться по чужим углам. Помочь матери. Купить в дом Тюки продуктов...

От счастья я запрыгала на месте.

– У нас много вкусной еды! Холодильник забит фруктами, овощами, йогуртами, сосисками, сыром, – заманивала Антилопа. – Вы можете у нас завтракать, обедать, ужинать и даже брать еду с собой!

Это, разумеется, окончательно растопило мое сердце.

Домой я шла окрыленная, а когда подошла к подъезду, Марфа Кондратьевна промчалась мимо с транспарантом «Даешь на Руси власть женщин! Феминистки – вперед, за княгиней Ольгой!», бросив на меня всех детей. Сусанны Черешневой в квартире уже не было.

Пока я отсутствовала, в доме случился скандал: Лев Арнольдович, не выдержав непослушания Христофора, оттащил его за уши, а Марфа Кондратьевна потребовала прекратить «ломать характер» сына.

Аксинья от криков возбудилась, снесла с петель кухонную дверь, а затем, поскольку к ней боялись подходить, вытащила из пакета помидоры, привезенные Сусанной Черешневой, и растоптала ногами. Остановить ее не смогли, здесь требовались санитары и убойная доза транквилизаторов.

Аксинья при мне продолжала переворачивать кадки с цветами.

– Лекарств от тети Зины нет, закончились. Ничто толстуху не остановит! – крикнул из-под стола Христофор. – Папа сбежал к Вахтангу Давидовичу!

Пришлось спрятать детей в кладовке и спрятаться самой, чтобы больная не нанесла нам смертельные травмы.

К ночи Аксинья присмирела.

Привет, дорогой Дневник!

Антилопа заплатила за неделю, и я купила себе мобильный телефон: черно-белый Nokia! Важно – быть на связи. Разумеется, Тюка не знает ни адреса, ни теле-

фона моих работодателей, номер своего телефона я ей тоже не дала, только детям и Льву Арнольдовичу.

Я нянчу Никиту. Никите девять месяцев, он славный активный мальчик, любит рассматривать картинки в книжках и показывать мне игрушечных зверей, внимательно слушает, как звучат их названия. Мы занимаемся играми, связанными с мелкой моторикой, и учим звуки. Днем гуляем в лесопарке. Мой рабочий день – двенадцать-тринадцать часов в сутки, пять дней в неделю. Как я рада! Наконец не семнадцать, как у Тюки. Но и сейчас я продолжаю укладывать детей Тюки и кормить их по ночам.

Днем я брала из холодильника Антилопы и Бизона все что душа пожелает. Старший брат Никиты, которого я прозвала Гарри в честь Гарри Поттера, приходит после обеда и сразу идет на тренировку в спортзал, оставив в прихожей ранец.

Семья живет в крошечной однокомнатной квартире, которую они снимают, и копит деньги, чтобы взять в кредит собственное жилье.

Антилопа сказала, что раз их няня заболела – это плохой знак, а поскольку вторая няня не смогла ответить на звонок, значит, Бог решил, что нужно взять меня, и сунула мне договор.

– Зарплату будем платить два раза в месяц! – пообещала Антилопа.

Сумма позволяла мне ежемесячно выплачивать кредит и каждую неделю отправлять матери деньги на еду и лекарства.

– Няня нам нужна на полтора года, потом Никита пойдет в садик! – Антилопа протянула мне ручку.

– Если будет экстремальная ситуация и няня пострадает, вы должны оплатить лечение. Добавим такой пункт? – предложила я.

– А вы умная девушка! – Антилопа улыбнулась. – Давайте добавим!

И мы подписали договор.

У Марфы Кондратьевны гремели скандалы. Теперь никто не готовил, не мыл посуду, не выгребал мусор и не убирал за кошками в круглосуточном режиме. Тюка гневалась и срывалась на супруге и детях.

Глафира ела раз в сутки, поздно ночью, когда я готовила. Днем вместе с другими домочадцами она утыкалась в телевизор.

Антилопа не позволила приводить к себе Любомира и Ульяну, поэтому они оказались заброшенными.

– Еда! Еда! – возбужденно кричали они в десятом часу вечера, вырывая из моих рук сумку.

Я заранее на работе делала несколько бутербродов с сыром и сосисками, складывала в пластиковую коробочку остатки вчерашних салатов и приносила детям Тюки.

Лев Арнольдovich, оставшись с проблемами один на один, сник, заболел и еще больше состарился. Марфа Кондратьевна являлась домой посреди ночи.

– Я политику в стране меняю! – говорила она.

Под грузом забот мне некогда было думать о политике, меня занимали бесхозные и голодные дети, несчастный Лев Арнольдovich, воспитанник Никита и моя нелегкая доля.

По утрам, кряхтя и стеноя, Тюка собирала Христофора в школу, а он, лежа на диване, покрикивал:

– Отстань! Пошла вон!

Сварив овсянку, чтобы не оставлять детей голодными, я не могла не заметить, как Марфа Кондратьевна подобрала штаны, валяющиеся на полу, и протянула их Льву Арнольдovichу со словами:

- Надень на Христофора и отведи его в школу!
- А где все остальное? – округлил глаза Лев Арнольдovich.
- Чего тебе еще надо?! – возопила Тюка. – Пусть в одних штанах идет!

Я засмеялась и начала искать куртку и шапку Христофора. Шапка нашлась в кошачьем лотке.

– Ты нарочно в дневник Полины подсовываешь удобрения?! – возмутился Лев Арнольдovich.

Тюка от злости плюнула в супруга.

Наконец-то после нескольких месяцев адской пахоты я просто ночевала у них на шкафу. За это по вечерам я кормила, купала и укладывала детей.

«Вот теперь, – думала я, – можно с натяжкой сказать, что они мне хоть как-то помогают». Раньше помощь оказывала только я.

Разглядывая надменную физиономию Тюкиной, я чувствовала, что она считает меня пустым местом, каким считала всех няnek до меня, обездоленных людей, которых можно использовать, а потом избавиться от них, вышвырнув на обочину. Со мной этот номер не прошел. Впервые правозащитникам попался кто-то не по зубам: я находила лазейки и выбиралась из ловко расставленных ими ловушек.

На прогулке мы с Никитой изучали деревья. Солнечные лучи пробивали кроны, создавая паутинки света под ногами. С собой мы брали еду, игрушки, запасную одежду и отправлялись на два часа любоваться бельчатами и запахами леса. Когда Никита засыпал, я бродила с коляской по дорожкам, где гуляли папы, мамы и няни.

– Белок ловят и убивают, чтобы отрезать хвост и сделать брелок на сумку, – сказал отец трехлетнего ребенка, тоже гуляющий в лесопарке. – Бельчата не знают, что людям верить нельзя.

Мы решили немного бельчат попугать, побросать в них еловые шишки, чтобы не подходили слишком близко, не доверяли людям.

Поднимаясь к домам, я обнаружила горсть пятирублевых монет, лежавших в траве пирамидкой. Мы – люди Чечни – верим, что Всевышний посылает причину и помощь, а духи и ангелы действуют по его указанию.

Перед утренней молитвой я увидела сон: появился юноша, подпоясанный веревкой, в одежде, какую носили в Древней Руси.

– Когда ты находишь деньги, – сказал он, – это помогаю я – Мастер Находок!

В детстве и ранней юности я часто находила монетки и золотые украшения, а мать этим пользовалась в голодные годы перестройки.

– Так что же ты мелочишься, дай мне сразу разбогатеть! – пошутила я.

Мастер Находок рассмеялся. Смеялся он довольно долго.

– Не могу! – наконец произнес он. – Если человек найдет крупную сумму, получится перерасход, и удача отвернется от него. Я для тебя такого не хочу! Лучше мелочь, но вовремя.

Мастер Находок взмахнул руками, словно птица, и улетел.

Собираясь на вечернюю прогулку, я оставила Никиту на кровати брата, а сама полезла в шкаф за непромокаемым комбинезоном. Малыш, потянувшись за игрушкой, упал и набил шишку. Признаться, я очень испугалась. Я представила себе, как родители Никиты меня придушат, и, честно говоря, даже согласилась с такой горькой участью: ведь я недоглядела за ребенком, а должна была ни на секунду не отходить от него.

Пока я ждала Бизона и Антилопу, у меня зуб на зуб не попадал. Я искренне считала себя виноватой, а Никита через пять минут забыл, что упал.

Антилопа и Бизон сказали:

– Ничего страшного! У другой няни он как-то упал вниз головой...

Я же поклялась себе быть в тысячу раз осторожней, потому что, несмотря на доброту родителей, няня, которой доверили ребенка, должна его беречь как зеницу ока.

В середине апреля зарядили дожди.

Антилопа и Бизон закупали продукты с запасом. Мне нравилось, что они нежадные. Работодатели попросили меня раз в три дня писать список: фрукты, овощи, сладости... – и привозили целый багажник по моему списку. Это казалось мне волшебным сном, и я была совершенно счастлива, что мы встретились, потому что изголодалась в войну.

На работу иногда звонила мама.

– Я ем свежие помидоры и огурцы. Свежие! Представляешь?! – огорошила я ее.

– На Ставрополье их не едят в это время! Казалось бы, юг. Они стоят непомерных денег. Овощи едят в середине лета, и то с огорода. Ты придумываешь что-то! – Мама мне не поверила.

Себе она позволяла покупать огурцы и помидоры вдоволь только в июле, когда они продавались за копейки.

– Правда, мама. Я ем фрукты, овощи и вкусные йогурты!

– Ты попала на работу к миллионером? – несколько раз переспросила она.

– Нет! Бизон и Антилопа снимают жилье! Но у них есть свежие огурцы и помидоры!

– Тебе дают бесплатно? – уточнила мама.

– Да!

– Ты ешь по половинке огурца, не наглей! Вот добрые люди! – Мама чуть не подавилась слюной.

Еда пенсионеров в деревнях – макароны да картошка. Те, кому не помогали дети и внуки, жили впроголодь.

Наступил день рождения Глафиры – ей исполнилось пятнадцать лет. Я вернулась с работы пораньше, притащила творога, сосисок и сыра, но Лев Арнольдович и Христофор еще в прихожей выхватили у меня пакет со словами «Твои работодатели – буржуи! А мы пролетариат!» и набросились на съестное.

Кошкам в итоге ничего не досталось.

Глафире я подарила наручные часы и коробку зефира.

Именинницу интересовал мой новый воспитанник и его родители.

– В снегопад Антилопа натянула на босые ноги сапоги, потому что носки лежали в ящике рядом с детской кроваткой. Я изумилась, а она объяснила, что Никита спит и она боится его разбудить. В тот момент я поняла, что вижу перед собой маму, возможно, такую, какую никогда не встречала прежде, – рассказала я.

– Повезло ее детям! – вздохнула Глафира. – У нас, пока тебя не было, опять был «концерт». Папа одевал Ульяну и Любомира. Ульяна послушно стояла рядом, а Любомир плевался и обзывал папу свиньей. Папа в ответ дергал Любомира за воротник. Когда почти все были собраны для похода в магазин, папа решил отдохнуть. Он сел на табуретку в прихожей. Лучше бы он этого не делал! Ножки подогнулись, папа рухнул! Упал прямо в кошачий лоток. Любомир свалился на папу сверху. Папа ругался такими словами, которые я не решусь произнести вслух! А Любомир, хихикая, вскочил и убежал прятаться – он не хотел идти на улицу. Папа вытряхнул из бороды гранулы из кошачьего туалета, схватил одну из ножек поломанной

табуретки и долбил ей по полу минут десять! Визжал! Он был в ярости. Мы попрятались. Но потом у него в голове прояснилось. Папа, конечно, не пошел никуда, а отправил в магазин Христофора.

– Папу надо больше жалеть, а то он окончательно свихнется, – сказала я. – Ты уже большая. Помогай по дому!

Пожаловал Диссидент Суслик. Тюка попыталась выгнать его на улицу, но Суслик оказался упорным и проскочил на кухню. Марфа Кондратьевна завопила, что друзьям ее муженька здесь не рады, но Суслик проворно схватил чашку чая, которую я успела ему налить.

Христофор вытащил бутылку вина из буфета и, сказав: «С праздником!» – осушил добрую половину.

Мне удалось отобрать у него остатки.

– Как ваши дела? – между делом спросила я Андрея Ивановича.

– Звонил Потапу, – ответил он. – Опять требовал вернуть украденную картину! Потап на полном серьезе заявил, что ее унес НЛО!

Затем Марфа Кондратьевна, Лев Арнольдович, Халил, Вахтанг Давидович и Суслик пили вино за здоровье Глафиры, а я ушла в гостиную и чинила поломанное кресло, потому что детям негде было спать.

– Мы-то привыкли, а вот гостю не повезет, если он останется с ночевкой, – хохотали Любомир и Ульяна.

– Из белья гостю достанется только то, что можно найти на полу, – сказала я.

– Если ногам неудобно, можно подставить табуретку или подложить мягкие игрушки, – напомнил Любомир.

Так нередко случалось. Хозяева разбирали из общей кучи все самое лучшее, а гость довольствовался остатками.

Но беспокоиться было не о чем. Внезапно заявившегося гостя всегда можно было накрыть дырявым халатом

или старым пледом. По традиции вместо подушки Христофор отдавал гостю плюшевого крокодила. Спать на нем было жестко, но отгонять кошек вполне годилось.

В выходные, как я и обещала детям Тюки, мы собрались на Воробьевы горы. Родившиеся в Москве, они никогда их не видели. Это был подарок Глафире и Любомиру, чей день рождения шел следом за днем рождения сестры.

Утро началось с того, что Аксинья притащила в уборную крупную луковицу и растоптала ее ногами. Следом зашел Христофор, увидел, что бумаги нет, и закричал:

– Мама, чем вытереть зад?

– Отстань! Я в «Мемориал» собираюсь! – ответила мать.

– Мама! Но попа ведь щиплет! – продолжал ныть Христофор. – А под ногами только шелуха от луковицы!

Лев Арнольдович, не вставая с раскладушки, посоветовал:

– Зачем возмущаться, Христофорушка? Бери, что есть на полу, – и вперед! Теперь мы только шелухой и будем подтираться!

Христофор подозрительно зашуршал, а потом захныкал. Я принесла ему смятые газеты.

Затем сварила каждому по яйцу всмятку, вытащила из тайника банку соленых помидоров, и мы позавтракали. Лев Арнольдович выпил рассол для опохмеления, а я ему сказала:

– Следите за Аксиньей, мы поехали на Воробьевы горы.

Воробьевы горы – одно из красивейших мест в Москве, откуда открывается широкая и живописная панорама. Мы расстелили шаль и сели с детьми прямо на склоне холма. Дети во все глаза смотрели на Москву-реку. Два речных трамвайчика с пассажирами пронеслись мимо.

– Я никогда не каталась на речном трамвайчике! – сказала Глафира. – Ни мать, ни отец не приводили нас сюда!

– Билеты дорого стоят, папе не по карману. – Христофор хмурился.

– А маме лишь бы на митинги ходить! – вздыхали Ульяна и Любомир.

– Прокачу вас! – пообещала я.

Билеты и впрямь оказались недешевыми. Хорошо, что Антилопа выдала мне часть зарплаты. Но покупка того стоила! Мы прошли по трапу на речной трамвайчик и ощутили блаженство. Так бывают счастливы только первооткрыватели.

Мы любовались высоким правым берегом, оттуда доносились восторженные крики тех, кто катался на аттракционах; мы смотрели на исполинский памятник Петру Первому работы скульптора Церетели. Стометровый памятник москвичи частенько ругали, а нам он понравился.

– Большой дядя! Важный! – Любомир захлопал в ладоши, когда мы проплывали мимо.

– Он пират! – зацокал языком Христофор.

– Пётр Первый – русский царь, всероссийский император, – рассказала я, прибавив несколько занимательных фактов из истории: – В молодости он инкогнито, как простой подмастерье, приехал в Голландию, чтобы научиться строить корабли. И научился! И построил флот!

– Говорю же, настоящий пират, – не сдавался Христофор.

Дети смотрели по сторонам во все глаза, а я вспомнила случай из истории нашей семьи.

– Осенью 1946 года в Москве, – сказала я шепотом Глафире, чтобы младшие не услышали, – сестра моей прабабушки, тогда молодая женщина, стояла на мосту с дочкой-первоклассницей. Они приехали из Санкт-Пе-

тербурга на выходные. Во время блокады их эвакуировали по льду Ладожского озера. Ту дорогу называли Дорогой жизни. В одном месте лед проломился, и все, кто ехали за ними в бортовом грузовике, погибли, захлебнулись в ледяной воде... И вот теперь случилась беда. У девочки на мосту закружилась голова, и она упала в Москву-реку, словно вода поманила ее к себе. Случайный прохожий, не раздумывая ни секунды, бросился вслед за ребенком. Девочку вытащили через три минуты. Но она была мертва. Мать ребенка до конца своих дней оставалась безутешна.

– Как ты думаешь, Полина, почему это случилось? – спросила Глафира.

– Вода многое знает. Она знала о том случае на Ладоге и забрала девочку. В воде таится великая сила.

– Я тоже это чувствую, – кивнула Глафира.

Домой мы вернулись под впечатлением.

– Мы видели царя-пирата! Мы были на Москве-реке! – возбужденно кричали дети.

Марфа Кондратьевна недовольно поджала губы. Она раскрашивала новый транспарант яркими красками.

– Лучше бы православным воспитанием занимались, – буркнула она.

– Интересно, – сказала Глафира матери, – а почему ты нас не воспитываешь? У тебя один ребенок чокнутый, другой – ленивый (она показала на себя), третий – бесовестный, четвертый – замкнутый, а каким будет пятый, еще неясно! И все мы ходим к психиатру!

– Не умею я, отстань, – огрызнулась на дочь Тюка.

На транспаранте был нарисован желтый круг, разделенный пополам красной полосой. Над кругом размашистым почерком шла надпись: «Пенсии в России напоминают жопу! А мы – непокорные и хотим в Европу!»

На меня Марфа Кондратьевна посмотрела сурово:

– Нечего, Полина, гулять в центре Москвы! Пусть дома дети сидят! У телевизора! У компьютера! У икон! Зачем, Полина, ты водишь их развлекаться?! Не к добру это!

– Хоть кто-то нашими детьми занимается! Приобщает к культуре! Спасибо, Полина! – поблагодарил меня Лев Арнольдович.

Привет, Дневник!

После работы, в десятом часу вечера, я сижу у хиленького озерца, покрытого тиной, а из туч накрапывает мелкий весенний дождик. Мне 22 года. На моей родине, в Чечне, это возраст женщины, у которой пять-шесть детей, а я до сих пор одинока. Выдают у нас замуж рано, в войну были браки с четырнадцатью лет. Да и в мирное время возраст невесты – пятнадцать-шестнадцать. Возраст – это время свершений. Что ты успел? Что ты создал? И ответ, что я за все это время написала лишь десяток-другой тетрадок под бомбами, крайне огорчителен.

Когда у меня будет своя семья? Дети? Муж? Мы не имеем права встречаться с мужчинами, это большой грех. Мы выходим замуж по воле родителей. Сейчас для «чеченской невесты» я безвозвратно стара.

По вечерам меня ждут дети Тюки, жизнь сузилась до замкнутого круга.

Глафира, несмотря на лениво-православное воспитание, хочет быть любимой, а не одеваться в обноски. Она всегда мечтала о платьях. Но при матери терпит и молчит, чтобы та не обвинила ее в недостатке веры.

Я стараюсь помогать ей по мере сил. П.

На скамейку, где я писала дневник, опустилась пожилая женщина и, с любопытством взглянув на записи, попросила:

– Почитай мне, что там написано.

– Хорошо, – согласилась я.

И прочитала незнакомке про дом Тюки. Она громко и искренне засмеялась.

– Я не встречала человека мудрее тебя. Ты обязательно встретишь свою любовь! – сказала женщина. – Тебя ждет невероятная судьба и удивительные приключения!

От ее слов мне стало теплее.

По дороге домой я придумывала сценарий фильма. Может быть, его снимет кто-то другой, ведь мысли материальны... Я бы назвала фильм «Умереть завтра». Там такой сюжет: неудачники познакомились в интернете и решили свести счеты с жизнью. То, о чем они всегда мечтали, не свершилось. Им мешали то другие люди, то обстоятельства. Вступив в группу самоубийц, они выставили время – двадцать четыре часа, – по истечении которого должны были прервать жизнь, но пока тикают часы, каждый, нарушая законы и преодолевая препятствия, решил добиться того, к чему всегда стремился.

Сюжет я не успела продумать до конца. Открыв дверь квартиры, я поняла, что Любомир лежит в луже рвоты. Его непрерывно тошнило, он задыхался и не понимал, где находится. Глафира до того обленилась, что даже не встала с диванчика, чтобы помочь брату.

– Я устала! Целый день читаю Крапивина! Это нелегко! – сказала она.

– Где родители?! – спросила я.

– Не видела их с утра. Папа пьет с Халилом и Вахтангом Давидовичем. А мама звонила, ее держат в милиции. Там ей сказали, что «жопа» – это ругательство и ей придется ответить по закону.

– Давно плохо Любомиру?

– Похоже, что с ночи. Он не ест и не пьет. Да у нас и нечего...

Я бросилась искать градусник. У Любомира был сильнейший жар.

Набрав номер Марфы Кондратьевы, я услышала частые гудки и перезвонила Льву Арнольдовичу.

– Поля, мы укатили с мужиками в деревню, в баньке паримся и культурно отдыхаем, – сказал он заплетаясь языком.

– Любомир заболел!

– Полежит, поспит, не суетись...

Пришлось опять звонить Марфе Кондратьевне.

– Борюсь за демократию в России, – недовольно крикнула она в трубку и отключилась.

Жизнь опять поставила меня в темный угол, как в детстве, когда, оттасканная за уши, я стояла на горохе или гречке. Соображать следовало быстро. Поэтому я вызвала скорую и переодела Любомира, который потерял сознание. Аксинья выла и в голом виде плясала по квартире, а где были Христофор и Ульяна, оставалось загадкой, возможно, они бегали по улице или отправились к лесному роднику.

Скорая приехала минут через десять, за это время я собрала вещи Любомира в пакет, вытерла пол, затолкала Аксинью в ванную и вытащила свой паспорт из тайника за батареей.

К нам на восьмой этаж вбежали худой бледный парень и упитанная тридцатилетняя женщина с чемоданчиком. Сразу бросалось в глаза по ее ловким и быстрым движениям, что она – главная. Женщина взяла кровь на анализ и измерила температуру. Градусник показал тридцать девять и пять.

– Лифт в подъезде воняет и плохо работает, мы чуть не застряли, – посетовал парень.

Это было неудивительно.

– Я старший дежурный врач Людмила. Со мной помощник Максим. А вы кто? – спросила меня женщина и до-

бавила: – Ребенок в плохом состоянии. Скорее всего, это желудочный вирус в тяжелой форме. Мальчик поражен не менее суток, обезвожен. Где его родители?

– Родители в отъезде, а я соседка и зашла проведать детей, – нашла я. Иначе нужно было бы долго объяснять, как без прописки я нахожусь в Москве в чужой квартире с чужими детьми.

– Что же это за родители такие... Мы забираем мальчика в больницу. Кто с ним поедет? – спросила Людмила.

Глафира, продолжая лежать, пожалала плечами. Аксинья, выскочив к нам в прихожую, грозно завывала. Пена для купания обильно стекала с нее на только что вымытый мною пол.

– Тише ты! Не вой! – шикнул на нее Максим и повернулся ко мне: – Она агрессивная? Кусается?

– Иногда, – сказала я и велела Аксинье: – Ступай в ванную! Та нехотя ушла.

– Следи за Аксиньей, Глафира! – приказала я.

– Мы тебя ждали весь день, Полина. Где еда? – Глафира, привстав с диванчика, смотрела недоуменно.

– Что здесь за притон?! – не сдержался помощник врача.

– Многодетная семья правозащитников, – пояснила я.

– Ясно, приплыли, – кивнула Людмила. – Ребенка срочно возем в инфекционную больницу. Диспетчер уже продиктовал адрес. Это на другом конце Москвы. Кто с ним поедет? И нужно успеть вернуться, пока не закроют метро...

– Я, – ответила я.

Любомира мы вынесли на носилках по лестнице, не став рисковать, чтобы не застрять в лифте, и положили в карету скорой помощи. Он открыл глаза, но меня не узнал.

– Это ты, мамочка? – спросил Любомир и опять потерял сознание.

Врач деловито ставила ему капельницу.

– Иначе, боюсь, не довезем, – предупредила Людмила.

– Шустрее гони, – поторопил водителя Максим.

Водитель оказался понимающий, и мы помчались на огромной скорости, сигналив проблесковым маячком и заставляя другие машины расступиться.

В детской инфекционной больнице дальше приемного отделения, комнатки в десять квадратных метров, меня не пустили. Любомира водитель и санитар переложили на каталку вместе с капельницей.

– Вы родственница? – спросила девушка в приемном.

– Нет, – ответила я.

– А кто вы?!

– Соседка. Родителей не было, в доме полно детей, один полоумный, – ответила за меня Людмила, ища по карманам сигареты. – Судя по всему, семья непутевая, и она их выручает, нянчится, вот с этим ребенком согласилась приехать.

– Нужно подписать договор, без этого мы мальчишку не возьмем, – строго сказала девушка. Она сидела за столом и щурилась на тряпичный торшер в углу.

– Как не примете?! – возмутилась я. – На улицу бросите его?!

– Откажемся лечить. Мы не знаем, что это за ребенок, нужно установить его личность, прописку. И еще вопрос: кто за него будет платить?!

– Я дала вам его данные.

– Позови-ка старшего по смене, – попросила девушку Людмила.

Максим и водитель крутились у машины, через окно мне были видны их силуэты.

Девушка недовольно вышла и хлопнула дверь. Следом дверь опять открылась, и оттуда выглянули медсестры из стационара.

– Забирать пациента? – спросили они.

– Погодите, бумаги еще не заполнили, через пять минут приходите, – ответила им Людмила.

Они попятились, пропуская девушку из приемного покоя, которая вела за собой мужчину лет пятидесяти в круглых очках.

– Велели вас позвать, Семён Петрович... – оправдывалась девушка.

– Тяжелый случай, принимайте... – начала Людмила, но он ее перебил, буркнув:

– Договор заполнили?!

– Какой договор? – спросила я.

– Денежный. При ребенке нет родителей. Вы будете платить за него? Даете гарантии? Он может здесь на месяц остаться, если потребуется.

Я посмотрела на Любомира, голова которого запрокинулась, и сказала:

– Да, я подпишу договор.

– Как же так? Вы же соседка... – неожиданно смутилась девушка.

– Вот мой паспорт, заполняйте, – ответила я.

Людмила посмотрела на меня с уважением и, нашарив наконец пачку сигарет, довольно улыбнулась.

Любомира благополучно подняли на четвертый этаж. Я оставила в приемном покое все свои данные и городской номер Тюки. Домой добиралась попутками, едва успев на последнюю электричку, и к двум часам ночи вбежала в квартиру правозащитников.

– Ты еды принесла? – встретила меня вопросом Глафира, она все так же лежала с книгой.

Вокруг нее валялись вещи, кошачьи «презенты» и стиральный порошок. Аксинья пыхла на раскладушке, а вокруг нее ковром лежал кошачий корм, видимо, она нашла пакет и устроила спиральное метание гранул.

Христофор и Ульяна дремали прямо в уличной одежде на поломанном диване в гостиной. Рядом с ними урчали кошки.

– Сегодня диета, – ответила я и полезла на шкаф.
В семь утра мне следовало быть на работе.

Во время утренней прогулки с Никитой мне позвонила художница Рита.

– Мирослав с утра до ночи печет хлебцы, а в монастыре ими торгуют и зарабатывают. Даже когда я лежала в больнице в прединфарктном состоянии, мне не позволили поговорить с сыном по телефону. Ему все запрещено. На все упреки он отвечает мне стихами из Библии. Из него сделали раба! – пожаловалась мне Рита и расплакалась.

– Попытаюсь вам помочь, – пообещала я. – Придумаем, будто я не знаю, какую религию выбрать: буддизм, христианство или ислам, пусть он вдохновится на подвиги...

– Может, он влюбится, и мы заберем его оттуда от жуликов-фанатиков! – обрадовалась Рита.

Отработав целый день, я побрела в магазин за рыбой и картошкой, чтобы покормить Тюкиных детей.

Хозяин семьи медитировал дома у радиоприемника. В эфире бестолково тархтели ведущие. Льву Арнольдovichу – честному атеисту, как мне казалось, – можно было рассказать о плане по спасению Ритиною сына. Но как же я ошиблась! Услышав о наших замыслах, он начал яростно нахваливать христианские догматы, защищать упорство парня и чуть со мной не разругался.

– Ничего ты не понимаешь в вере в Господа Иисуса! – рычал Лев Арнольдovich. – Быть нищим и голодным – сладость для христианина!

Оказывается, несмотря на еврейство и внешний атеизм, он был глубоко верующим человеком. Это и сближало их с Марфой Кондратьевной.

– Зря ты отвезла Любомира в больницу, Полина! – с неодобрением сказал Лев Арнольдovich. – Мы с мужиками выпили водки, попарились в баньке и вернулись. Чего было суетиться?!

– Вам врачи звонили?

– Ну да. Говорят, желудочный вирус, обезвоживание... Сказали, недели три под капельницами он проведет. Тюка упорхнула в Мадрид. Как вернется, сходит к сыночку, проведает...

На сковородке жарился минтай, и я, вздохнув, начала сбивать венчиком пюре, чтобы никто этой ночью не лег спать как праведник – с голодными коликами, а согрешил и поел.

Привет, Дневник!

Я нашла дневник Глафиры. Она положила его в мою сумку, словно намекая, чтобы я прочитала. Открыла тетрадь на первом попавшемся месте. Страницы пестрели записями о готовящемся самоубийстве, о том, что она психически больна, слышит голоса потусторонних существ, и о том, как хочет сбежать от матери и отца в темный лес.

Глафира считает, что у нее аутизм, как у Аксиньи, но в другой, более легкой форме, и несколько раз она уже пыталась наложить на себя руки, но не смогла довести дело до конца.

Обо мне она пишет с юмором, вспоминая, как я заставляла ее купаться и покупала ей чистое белье и носки.

Я поговорила со Львом Арнольдovichем. Объяснила, что Глафире срочно нужна помощь опытного психиатра, занимающегося подростками.

– Потом сходит к Зинаиде! У нее сейчас стабильная фаза! – отмахнулся Лев Арнольдович, слушая «Эхо Москвы» и попивая коньяк.

Полина

Посадив Никиту на качели, я заметила, как из-за угла во двор вошли какие-то люди. Подошли ко мне и заявили, что нашим миром правит сатана. Это были сектанты, которые распространяют брошюры.

– Все мертвые находятся в бессознательном состоянии, а если кто-то воскреснет – это демон, – поведали они.

На брошюрах был изображен сын Девы Марии, парящий в облаках.

– А Иисус как же? Вот же его лик на обложке, и написано, что он воскрес, – удивилась я.

Сектанты замаялись и, почувствовав, что разговор не задался, отправились выискивать новые жертвы.

Днем я укачала Никиту и хотела вздремнуть сама, но не удалось: Гарри не пошел в школу и позвал меня обедать. На кухоньке мы поели суп с лапшой, поиграли в карты и посмотрели приключенческий фильм о короле Артуре.

К вечеру Гарри ушел на тренировку, а я отнесла Никиту в ванну, где он любил плескаться с игрушками. Я не уследила, и Никита резиновым жирафом повернул кран, и вода полилась на пол.

Особенность в российских ванных комнатах такова – на полу нет слива. Поэтому меня с детства гоняла мать, чтобы я следила и не проливала ни капли воды на кафель. Вода мгновенно проникала сквозь перекрытия к соседям, образуя пятна у них на потолке, а это влекло за собой скандал и непредвиденные расходы.

В панике я побросала на пол майки, тряпки – все, что попало под руку. Отжимала, вытирала, в страшном ис-

пуге молясь, чтобы не сильно затопило нижних жильцов. После того как последствия «аварии» удалось ликвидировать и начавшаяся у меня тахикардия стала отпускать, зазвонил телефон. Это была мама.

Адвокат, которого я наняла ей в помощь для разграничения с соседями ее ветхого жилья, беззастенчиво украл у нее восемь тысяч рублей.

– Не дал расписку, взял деньги и исчез, – плакала мама.

Мы обе понимали, что нас никто не защитит и обращаться в милицию совершенно бесполезно.

На телефоне высветилась вторая линия.

– Сможете пару дней круглосуточно побыть у нас? Срочная командировка, – раздался на том конце голос встревоженной Антилопы. – Мы вам заплатим.

– Хорошо, – согласилась я.

Дни проплывали мимо, как кораблики из снов.

Как только меня отпустили с работы, я вернулась к Христофору, Ульяне, Глафире и Аксинье. Мне всегда хотелось, чтобы дома были только они. Но дома оказалась Тюка. Она прилетела из Мадрида.

– Как ты посмела отвезти Любомира в больницу?! – с порога накинулась на меня Марфа Кондратьевна. – Меня к нему не пускают! Грозят лишить родительских прав! Я уже ругалась матом под окнами главврача! И буду митинговать!

– Зачем вы ругались? – спросила я.

– Инфекция! Вирус! Он лежит под капельницами. Твари в белых халатах сказали, что же я за мать такая, раз моего сына в плачевном состоянии соседи находят и привозят...

– Значит, правильно я его в больницу отвезла? Ему же там помощь оказывают? – уточнила я.

– Репутация для меня дороже всего! – Марфа Кондратьевна топнула ногой и сверкнула глазами.

– При чем здесь ваша репутация?!

– Может, Полине надо спасибо сказать? – тихонько вставил Лев Арнольдович, сидя на лавке за столом и глядя на пустую бутылку из-под вина. – Любомир первые сутки провел в реанимации...

– У меня репутация правозащитника! Я никому не позволю выставлять меня в дурном свете! Теперь врачи говорят, что я нахожусь неизвестно где, когда мой ребенок умирает. Они вытолкали меня из приемного отделения. Я пригрозила им многодневным митингом, а они, сволочи, сказали, что сдадут меня в психбольницу.

– Я подписала договор о медицинских затратах...

– Забудь, Полина! Я отнесла им документы. Мой сын – москвич, ему лечение предоставят бесплатно. Он не бомж и не рвань с периферии! Этим договором ты решила показать, какая ты хорошая. А нам этого не надо! Лучше бы не трогала его! Никакой больницы! Не помер бы!

Три недели пролетели быстро.

Любомир вернулся к нам живой и здоровый, а гнев Марфы Кондратьевны постепенно утих. Благодарить меня она не собиралась, но и ругать больше не ругала.

После работы, купив булочек с джемом для названных родственников, я возвращалась домой и еще на лестнице услышала странные звуки: как будто кто-то жалобно скулил.

«Неужели щенка вернули?» – с некоторым волнением подумала я, но ошиблась.

Христофор и Любомир крепко связали Глафиру поясами от халатов и скотчем, а в рот сестре засунули кляп, которым стал нестираный носок, найденный, судя по свисающей с него паутине, за диваном.

Остальных домочадцев не было: Лев Арнольдович с Ульяной и Аксиньей ушли в лес, а Марфа Кондратьевна отправилась на митинг.

– У-у-у! – выла Глафира, извиваясь на полу у батареи.

– Что вы делаете? – спросила я Христофора.

– Играем! – не моргнув глазом ответил он. А Любомир засмеялся.

– У-у-у! – Глафира тщетно пыталась уползти от братьев.

«Сама виновата, – подумала я, – раз дала себя связать, глупая девица».

– Почему рядом с вами уютю? Вы его уже и в розетку включили? – спросила я мальчишек.

– Да, Полина, нашли на антресолях, достали и включили, – признался Христофор с невинной физиономией.

Я подошла и проверила: уютю раскалился.

– Это то, о чем я сейчас думаю? – спросила я.

– У-у-у! – Выплюнуть грязный носок у Глафиры не получалось, и она, как гусеница, ерзала по полу, тараща глаза.

– Решили сестрицу попытать немного... – сознался Христофор, потирая руки.

– Полина, нам бы чаю с булочками, – улыбнулся Любомир, потянув носом и восторженно хлопая ресницами.

– Так вот, значит, как православные развлекаются? – едва сдерживая усмешку, спросила я.

Христофор покраснел, а за ним и Любомир тоже стал пунцовым.

– Ну, мы это... Мы хотели чуть-чуть. Ради смеха... Мы злые разбойники, а она вредная купчиха, которая спрятала золотые монеты. Без пыток и насилия не заговорит! – оправдывались братья.

– А тебе наука! – Я вытащила носок изо рта Глафиры. – В следующий раз я могу задержаться на работе! Не позволяй им играть в такие игры, они плохо воображают!

Вытащив кинжал из своей сумки, я разрешила пояса, тугой скотч и освободила пленницу.

– Спасибо, Полина! – Глафира начала растирать затекшие руки и ноги.

– Чтобы ненормальных игр я больше не видела! – строго сказала я мальчишкам. – Вы же не правнуки Гитлера. Что это за фашизм?

– Мы не фашисты... – Любомир пустил слезу.

– Мы не будем больше, – заверил меня Христофор, и по его коварной усмешке я поняла, что нужно быть на чеку и присматривать не только за остальными детьми, но и за кошками.

– Сейчас попьем чаю и придумаем пьесу! – решила отвлечь их я, выключая утюг.

Из распахнутой лоджии веяло маем. Похожие на зубы чудовищ кривые ржавые гвозди, которые зимой поддерживали изнутри стекла лоджии, были отодвинуты, сами стекла – распахнуты, и воздух теплой волной проникал в дом. Усевшись на мягкое, несвежее белье, разбросанное по полу, мы сочинили удивительную историю. Я была эльфом-лучником, Христофор – пиратом, Глафира – охотником, Любомир – пилигримом, а вернувшаяся из леса с отцом и Аксиньей Ульяна – доброй волшебницей.

Дети, впервые узнав от меня о том, что можно устраивать театральные представления в домашних условиях, обрадовались, а Тюка, вернувшись с митинга посреди ночи, злилась, но молчала.

Хранить тетрадки у дворников Рузи и Давладбека стало опасно: подвал подтопила вода. К тому же Бахор нянчилась уже с тремя сыновьями, и ей некогда было следить за чужой сумкой и отгонять от нее крыс.

Рано утром я спустилась в подвал, забрала чеченские дневники и повезла их к Антилопе, не дожидаясь, пока Марфа Кондратьевна в очередной раз перероет мои вещи. Бизон и Антилопа разрешили спрятать сумку под шифоньер.

Я уходила из дома в шесть утра и возвращалась в десять вечера. Купала Тюкиных детей и кормила тем, что приносила с работы или покупала. По-прежнему спала на шкафу. Сил на уборку зачастую не оставалось, и дом на глазах превращался в запущенное гнездо. Вонь стояла страшная. Я говорила об этом Льву Арнольдovichу, но он только руками разводил. В итоге я обнаружила источник зловония: за холодильником лежал кусочек мяса, в котором завелись черви. Пришлось делать генеральную уборку, а детей на это время отправить на прогулку. Дети выбежали во двор, награждая друг друга тумачами. Христофор пинал Глафиру. Глафира одарила Христофора подзатыльниками и разорвала на нем куртку. Ульяна и Любомир кусались, изображая вампиров.

Убедившись, что с детьми все в порядке, я сложила мусор в мешки. А когда решила снести их во двор, наткнулась на соседей по подъезду, которые с нескрываемым удовольствием читали объявление: «Злостная неплательщица Тюкина Марфа Кондратьевна, прикрываясь тем, что она многодетная мать, отказывается оплачивать коммунальные услуги. Сумма ее долга по ЖКХ давно превысила все допустимые нормы. Марфа Кондратьевна Тюкина не платит более года!» Рядом красовалась фотография правозащитницы.

Лев Арнольдovich, узнав от меня об объявлении, закрылся в своей комнате, и оттуда доносились то бранные слова, то громкие возгласы про пенсию Аксиньи и детские пособия, которые присваивает Тюка:

– Пенсия по инвалидности для Аксиньи перекрывает коммуналку в три раза! Бессовестная женушка! Гадина! Салтычиха!

Его грубые крики разносились по дому до тех пор, пока соседи не заколотили в стену, тогда он немного притих.

Дети и я поели гречневую кашу без него, он к нам не вышел.

Марфа Кондратьевна появилась в двенадцатом часу ночи с транспарантом «Голубые и розовые равны в правах. Будем жить дружно!». Рядом с надписью красовался кот с радужным бантиком.

– Мы идем жить на свалку! К мусорному ящику мы дружно идем! – завопил Лев Арнольдович, вскочив с раскладушки. – Судебные приставы все отнимут! Детей отправят в детдом! А мы – на свалку!

– Ничего ты в жизни не добился! Ты живешь в моей квартире! – моментально нашлась Марфа Кондратьевна.

– Отдай ее мне! Я буду платить за коммунальные услуги, и детей не выгонят на улицу! – орал супруг.

Мимо супружеской четы прошмыгнула Мата Хари.

– Если ты не отдашь кошку знакомым, я выкину ее в лес! Там она хотя бы найдет себе пропитание! А здесь целыми днями животные голодные! – кричал Лев Арнольдович.

– Ах ты неблагодарный, нахлебник! – Марфа Кондратьевна встала в стойку. – Забыл, кому жизнью обязан?! Ты жил в тайге и не знал, что такое теплый туалет! Там до сих пор срут под кусты! Миллионы людей так по всей России живут! Срут под кусты и печку топят дровами! Это я тебе честь оказала, я тебя в Москву привезла – столицу государства Российского!

Дети забились под стол на кухне.

– Чтобы я не слышал ваших смехуечков! – крикнул им отец.

Ульяна и Любомир завопили:

– Папа! Что такое «смехуечки»? Мы это в пьесу запишем!

Объявление в подъезде Марфа Кондратьевна содрала и долго грозилась, что подаст в суд на всех, кто ее позорит.

– Репутация дороже всего! – хрипло кричала она, сорвав голос.

До часу ночи Тюка и Лев Арнольдович крепко ругались друг на друга, а затем разошлись: Лев Арнольдович на раскладушку, правозащитница – к компьютеру. В кабине Тюка еще пару часов бушевала – грозились сдать супруга в милицию.

– Напишу заявление, пусть тебя на пятнадцать суток посадят! – периодически покрикивала Марфа Кондратьевна. – Не ценит он Москву, лимита! Ну я тебе покажу! Отведаешь милицейской дубинки!

– Я тебя, Тюка, отнесу в лес вместе с кошками! – не сдавался Лев Арнольдович.

– А я тебе сейчас дам по голове диктофоном! – пообещала правозащитница.

Близилось утро нового дня.

– Полина, поработаешь киллером? – неожиданно спросила меня Глафира.

– Что?!

– Надо прибить папу и маму! Я заплачу. У меня есть триста рублей, – совершенно серьезно продолжала Глафира.

– А я добавлю. Вот тебе крест! – Христофор вскочил с дивана и размахисто перекрестился.

– Пробей им голову! – безжалостно буркнула Ульяна.

– Когда они издохнут, мы будем жить спокойно! – засопев, согласился Любомир.

– Так нельзя. Они вас по-своему любят! – ответила я.

Коллекторы нагрянули через три дня. Глафира пошла на стук – отпирать дверь, а я, почувствовав неладное, успела ее предупредить:

– Не открывай!

– Почему? – удивилась Глафира, остановившись в коридорчике.

– Помни страну, где живешь. Встань за стенку, чтобы не выстрелили в глазок, и спроси: «Кто там?»

Десять минут Глафира спрашивала, десять минут ей не отвечали и стучали в дверь кулаком.

Отодвинув ее, я, притворившись маленьким ребенком, пропищала:

– Мамы дома нет, здесь только я и сестренка, мама ушла...

– Охренели?! Чего заперлись! Все равно взломаем! – раздался раздосадованный рык из-за двери. – Мы коллекторы. У нас есть постановление. Вы за квартиру давно не платите! Мы можем наказать вас по полной программе – шею свернуть.

– Мамы дома нет... – плаксивым детским голосом ныла я.

– Бросим постановление в почтовый ящик. В следующий раз мы вскроем дверь автогенном.

В глазок мы с Глафирой глянули по очереди – там стояли три мордоворота.

Коллекторы частенько выбивали из должников деньги, бросая в окна коктейли Молотова, избивая людей арматурой, и выносили имущество.

До Тюки дозвониться мы не смогли, она отправилась в «Сахаровский центр».

Лев Арнольдovich с Халилом и Вахтангом Давидовичем вернулись из лесопарка навеселе, но после наших слов мгновенно протрезвели.

– Детей могут в детдом забрать, а мне ребра пересчитают! Ну я Тюке устрою! – вскричал Лев Арнольдovich.

Старик сосед согласно закивал:

– Такую жену в Грузии давно бы приструнили! – И он показал кулак.

Из-за событий, происходящих вокруг, Любомир начал вести себя неадекватно. Он набрасывался с проклятия-

ми на сестренку, крушил и ломал вещи. От ежедневных скандалов отца и матери Любомир распался все сильнее. И только мои увещания, что не ему одному тошно жить на свете, немного приводили дошкольника в чувство.

– За меня должно платить государство! Я – многодетная мать, – стояла на своем Тюка.

– Пошла и сняла с карточек доллары и евро, поменяла на рубли и заплатила. Живо! – кричал ей в лицо Лев Арнольдович.

Не найдя понимания в семье, правозащитница долг выплатила.

Глафира, тем временем дочитав книгу «Гарри Поттер и философский камень» и помня, что читать магические книги – большой грех (так ее научили в православном интернате), закрыла последнюю страницу и утопила книгу Роулинг в унитазе.

Эффект от этого действия проявился следующим образом: жильцы подъезда, у которых забились канализация, прибежали к нам, громко матерясь, и угрожали избить Марфу Кондратьевну. Та бойко отстаивала христианские ценности, заявив, что бездари и грешники ничего в ангельской работе не смыслят.

Я спасалась работой. Антилопа всегда слыла щедрой, поэтому почти каждый вечер мне удавалось покормить Тюкиных детей.

– У тебя райская жизнь! Ты нянчишь Никиту в нормальной семье! А я горю в аду! – жаловался Лев Арнольдович, поедая принесенные мною бутерброды с сыром и колбасой.

Остальные жевали молча.

– Каждый сам выбирает семью, работу и то, как воспитывать детей, – устало ответила я.

– Ты, Полина, отводи Христофора в школу, – попросил меня Лев Арнольдович. – Тюка дала взятку, и его приняли в школу в соседнем районе. А из православного класса выгнали окончательно...

– Во сколько начинаются занятия? – спросила я у Христофора.

– В девять!

– Занятия у школьников с девяти утра, а я из дома выхожу к семи, – ответила я. – Что же он будет там делать?

– Мне лень вести, – признался Лев Арнольдович, – а Тюка никогда этого не делала и не собирается. Остаешься ты, Полина. Что он будет делать два часа до занятий? Нашла о чем думать! Хрен его знает. Пусть сидит и ждет.

– Получается, что я должна опаздывать к людям, у которых нянчу малыша? Это же другой район!

Льву Арнольдовичу было все равно:

– Ты тут ночуешь на шкафу, вот и отработывай!

В шесть часов утра Марфа Кондратьевна вытолкнула Христофора на лестничную клетку.

– У меня урок начинается только в девять! – сопротивлялся Христофор. – Я не хочу сидеть в пустом коридоре!

– А мне все равно! Полина идет на работу и тебя заодно в школу забросит!

Через неделю Христофор смирился, но при каждом удобном случае старался уколоть родителей:

– Полина у нас в доме – главная. Она дает нам еду и отводит в школу! Гуляет и играет с нами! И еще работает, деньги приносит и продукты! Все делает наша мама-сестра Полина!

Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдович краснели от досады.

Чтобы как-то меня задобрить, Лев Арнольдович, находясь под коньячными парами, пообещал, что моя мама

сможет жить в их деревенском доме. Но Марфа Кондратьевна мгновенно парировала, что моей матери она помогать не станет и чтобы супруг перестал придумывать.

– Все дома принадлежат мне, и только я решаю, кто там будет жить, – сказала она.

Художница Рита задолго до этого разговора поведала, что деревенские дома когда-то были куплены на средства крупного правозащитного фонда для нужд политических узников, но на деле просто достались Тюке, которая их ловко приватизировала.

Марфу Кондратьевну совершенно не волновало, что мою маму в селе Бутылино избили люди, которые ненавидели чеченских беженцев.

Привет, Дневник!

Ночью, едва я задремала, мне приснился страшный сон.

– Знаешь, почему в жизни Льва Арнольдовича такие проблемы? Сумасшедшая дочь, стервозная жена... – проворкотал Межгалактический Капитан, собираясь из частиц света.

Я покачала головой. Мне и своих проблем хватало, чтобы еще искать источники чужих горестей.

Межгалактический Капитан настойчиво продолжал:

– Тот, кто жаждет боли, тот, кто ее искренне любит, тот ее получит! Слушай! Смотри!

И я увидела в полутьме незнакомого мужчину.

– Это Лев Арнольдович! – недовольно подсказал Межгалактический Капитан.

Трудно было в такое поверить, когда перед тобой не беззубый дедушка, а мужчина лет двадцати пяти.

Огни свечей. Узкая комната. Ночь. Юная девушка привязана к спинке кровати. Ее тонкие запястья плотно охвачены ремнями. Мужчина наносит ей удар за ударом плеткой, занимается с ней сексом и снова бьет.

Я никак не могла выбраться из этого вязкого пространства, похожего на варенье, и смотрела на происходящее издалека.

– Ты плохая! – сказал мужчина девушке. – Я буду тебя наказывать!

– Понятно?! – шепнул мне на ухо Межгалактический Капитан. – Боль, как бумеранг, всегда возвращается!

И я проснулась.

Полина

На площадке восьмого этажа у распахнутой настезь квартиры Тюки я почувствовала, что принесенные мною куриные сосиски сейчас расхватывают. Посетителей у правозащитников был полон дом: кто-то примерял чужие вещи в прихожей, кто-то улегся на лавки и раскладушку, спихнув с нее велосипед Христофора, заботливо уложенный им «спать» на место отца.

Оказалось, что в гости к Тюке пришел ее знакомый, мужчина средних лет. Его спутница была значительно старше. С ними был мальчик Коля, двух лет от роду. Он где-то нашел сухари с красным перцем и «угощал» ими истощенно мяукающих кошек. Помимо них в квартире находилась семья чеченцев; в Москве у них был перевалочный пункт: они собирались в Европу «в беженцы». Под их гортанные голоса томно вздыхала красавица из Украины – Лев Арнольдович подобрал ее на вокзале. Анжела, так она назвалась, сообщила, что ее по приезде в Москву обокрали, а седой миротворец проявил участие и напоил чаем.

Поэтому когда из моей сумки исчезли сосиски и хлеб, я даже не поняла, кто именно их стащил. Сосисками почему-то запахло в ванной комнате, откуда резво выбежал молодой чеченец.

– Салам! – бросила я ему.

В ответ он рассказал, что скоро будет жить в Бельгии, где огромные денежные пособия, и это лучше всякой работы.

– Работать вообще не надо! Евро там пачками дают! – восторженно говорил он.

Дверь гостиной открылась, и чеченец постарше поправил юношу:

– Ты будешь работать, Рамзан! Зарплаты в Европе выше, чем пособия!

Паренек приуныл.

Мужчину средних лет, отца мальчика Коли, представил мне Христофор, назвав его «батюшкой-поедателем». Оказалось, что тот служит православным священником в храме, а в свободное время работает тамадой на свадьбах и юбилеях.

На мальчика Колю никто не обращал внимания, хотя ему давно пора было менять памперс. Но подвыпившие родители заявили:

– Ничего! Пусть пару часов так походит!

Ульяна и Глафира демонстративно зажали носы. Любомир прелестно похлопал ресницами и, увидев, что дверь в кабинет не заперта, умчался туда – играть в компьютерные игры. За ним припустила Ульяна.

Колю купала и переодевала я. Рамзан подавал полотенце.

– В Бельгии живет уже двести человек из нашего поселка, всем дали квартиры и назначили пособия по тысяче евро в месяц! – продолжал рассказывать он. – Чеченцев любят, чеченцев в беженцы принимают! В беженцах хорошо! Пособия годами платят! Мы все в беженцы пойдём!

– Тысяча евро?! – Мне показалось, что паренек шутит. – Я получаю тысячу евро за три месяца круглосуточной работы!

– Еще и на детей пособия! Детей в наших семьях много! И ничего делать не надо! Путешествуй и развлекайся! Четыре мои сестры обустроились с мужьями в Норвегии, две тетки в Бельгии, дядя во Франции, а двоюродные братья в Германии. Марфа Кондратьевна их отправила туда прошлой осенью.

– Марфа Кондратьевна?! Как?! Почему?! – заинтересовалась я.

– Через иностранные фонды! Она им денег добыла на билеты от правозащитных организаций. Билеты-то недешевые. У кого загранпаспортов не было, тем проводников наняли, нелегально повели через границу. Сама понимаешь, наши тоже в долгу не остались, потом Марфе Кондратьевне передали «благодарность». – Рамзан соединил пальцы в щепоть и потер ими друг о друга, изображая наличность.

– Вашей семье угрожали? Вас преследовали? У вас есть ценные документы о войне?

– Нет! Мы всю войну в Волгоградской области пересидели, но прописка в Чечне... Скажем, что в войну пострадали... Кто проверит?.. – Парень выглядел открытым и очень искренним.

– А почему сейчас уезжаете?

– Деньги дают! Квартиры! В беженцы! В Европу! За европейским гражданством! Что в России-то делать?

– Но как же так?! – Я вдруг остро осознала всю несправедливость. – Ведь под бомбами были мы! На расстрел водили нас...

– Фамилия у тебя какая?

– Жеребцова.

– Неправильная фамилия. Ничего тебе не светит. А у нас правильные имена-фамилии. У моих дядек даже прописки в Чечне не было. Они родились и выросли в Подмосковье. Но нас правозащитники научили. Надо

так: приехали в Европу – сразу паспорта отдать куратору, он их в надежном месте спрячет, чтобы мы могли потом домой через Белоруссию мотаться. Мои дядьки в европейской полиции сказали, что паспорта потеряли. Прокатило! Им дали квартиры и пособия! А некоторые говорят, что выкинули паспорта, потому что не хотят иметь «русский паспорт». Русские люди – оккупанты Ичкерии. Понимаешь?

– Что ты там болтаешь, Рамзан?! Зачем несешь чепуху? – выглянул из гостиной пожилой чеченец. – Сейчас же рот закрой!

Паренек испуганно замолчал.

– Меня взяли на место рабыни в дом Марфы Кондратьевны. Никто не поможет ни мне, ни моей матери. Никто! – горестно сказала я.

Оглянувшись, я заметила, что в коридоре нас подслушивает гостья с Киевского вокзала.

– Если, например, заключить фиктивный брак и взять твою фамилию, я могу с вами поехать? – спросила Ангела паренька. – Я могу быть хорошим другом... – Она демонстративно погладила себя по груди.

– Ты еще кто такая? Русская? – шепотом спросил Рамзан.

– Ну да, я работаю в сфере услуг, – ответила девушка.

– Харам!

– Так мы не по правде. Мне чтобы уехать в Европу...

– Нет! Дядьки не разрешат, – отрезал Рамзан и пошел в гостиную.

– Козел горный! – прошипела ему вслед девушка.

Не обращая внимания на многочисленных гостей, Глафира в суматохе собирала подписи.

– Если мамаша – защитница прав человека – захочет выставить Полину на улицу, мне понадобится документ, чтобы ей помешать! – твердила она. – Охранная грамота!

Документ, что Полина – наша сестра и имеет право жить в квартире!

– Глафира, перестань... – тоскливо попросила я.

– Нужен документ! Как тот круг, который защищает от бесов. Вот помнишь, как у Гоголя... – Глафира вырвала листок из тетрадки и начала искать по дому братьев и сестер в надежде, что те поставят подписи.

В итоге все дети подписали, что я им родная сестра. Ульяна и Любомир поставили крестики.

– Так подписывалась Жанна д’Арк, мы видели в кино, – пояснили они, оторвавшись от компьютера.

Лев Арнольдovich, напевая песню Галича, тоже признал меня дочкой и поставил свою подпись, а Тюка, чертыхаясь, убежала.

Документ получился такой:

«Мы в здравом уме и памяти торжественно принимаем Полину Жеребцову в свою семью.

Глафира – согласна.

Христофор – согласен.

Любомир – согласен.

Ульяна – согласна.

Аксинья – согласна, так решила Глафира.

Лев Арнольдovich – согласен.

Марфа Кондратьевна – длинющий прочерк.

Приняла документ Полина Жеребцова. Подпись. Дата: 2007 год».

Через несколько дней Анжела и батюшка-тамада с супругой и ребенком из квартиры исчезли. Чеченцы вели себя тихо и в хозяйские дела не вмешивались. Им Тюка бросила пледы и матрацы на пол, и они целыми днями лежали на них в ожидании визы. Визы выдавались только в Москве, затем они в столицу и прибыли.

Гарри передал для Христофора, которому исполнилось десять лет, веселую американскую комедию «Ночь в музее». Но Марфа Кондратьевна и Лев Арнольдович сразу заявили, чтобы «американской дури» в доме не было.

– Запрещаю «Ночь в музее»! – вынесла вердикт Тюка.

– Правильно, выкинуть в помойку! – согласился с женой Лев Арнольдович.

– А сам, пока Полины и мамы не было, включал нам кино про людоедов! – надувшись, сдал отца Христофор.

Льву Арнольдовичу пришлось объясняться с супругой. Он рассказывал ей про философию и модерн, а Тюка пообещала избить его сковородкой.

Христофор же объявил:

– Пойду-ка я повешусь. Все равно испортили праздник!

После этих слов мальчишка вытащил шнурки из моих кроссовок и начал связывать в узел. Когда я отобрала шнурки, он решил открыть окно в комнате Льва Арнольдовича и выпрыгнуть. Лев Арнольдович, загородившись «Новой газетой», напутствовал сына:

– Прыгай-прыгай! Я вылечу вслед за тобой и успею еще пару затрещин вклеить в полете!

– Тогда я слопаю наполнитель из кошачьего лотка! И точно умру! – продолжал пугать нас Христофор.

– Если его не поменять, можно и от запаха помереть! – заметила я.

Дети и гости прыснули со смеху, а Тюка взвизгнула с досадой:

– Мы экономим!

Во втором часу ночи начался «концерт».

– Мне интим нужен, а ты не даешь! – бубнил в темноте Лев Арнольдович.

– Ишь, интим ему подавай! А где стихи? Где конфеты?! Когда в последний раз ты дарил мне цветы?! – громко

возмущалась Тюка. – Ты забыл, старый, что мы с тобой давно в разводе!

– Мне надо! Надо интиму! – чуть не плакал Лев Арнольдovich.

Семья чеченцев, Глафира, Христофор и я беззвучно тряслись от смеха в гостиной. Через пять минут раздался громкий храп Марфы Кондратьевны, которая рухнула спать на диванчик в прихожей в той же одежде, в которой ходила месяцами. Лев Арнольдovich, покрутившись возле нее, горько вздохнул и ушел на раскладушку.

Глафира спросила:

– А вы знаете историю о том, как наша семья пару лет назад отправилась на дикий пляж в Абхазии?

– Откуда? – удивились чеченцы. – Не знаем.

В чеченской семье было трое мужчин и пожилая женщина, тетя Рамзана. Днем, пока я была на работе, чеченцы молились, а ночью сворачивались калачиком на полу в гостиной и спали вповалку. Дети Тюки в этой же комнате занимали диван, а я по-прежнему шкаф.

– Семья нашего знакомого Потапа и наша путешествовали вместе по Абхазии. Однажды мы развели костер на пляже, пели песни! – Глафира оживилась, ее профиль отчетливо обрисовывал свет луны, льющийся из окна. – Вокруг на километры ни души! В Абхазии война, а мы отдыхать приехали. Смотрим – из кустов боевики с автоматами ползут. Здоровые мужики в масках! Они приказали нам поднять руки вверх, отвели в какую-то избушку и там заперли. Сказали, что мы чужаки, а они на своей родной земле и будут документы проверять. Забрали у девочек и женщин из ушей сережки, а у мужчин – телефоны и кошельки.

– Почему мистик Потап, друг инопланетян, не вызвал подкрепление? Или всех не загипнотизировал? – спросила я.

Все в гостиной захохотали.

Лев Арнольдovich, вскочив с раскладушки, прибежал к нам. Он распахнул дверь и прокричал с вызовом:

– Нечего смеяться! Натерпелись мы тогда страху! Потап умеет делать волчью морду! Его шаманы в Сибири научили! Если сделать волчью морду, враг умрет от страха. Однажды он мне ее показал, я чуть в штаны не наложил.

– Почему же Потап боевикам, которые вас грабили, волчью морду не показал? – удивленно спросили чеченцы.

– Он узнал под масками инопланетных сусликов! – сказала я, и дети с гостями опять взвыли от смеха.

Трогая рукой облупленный потолок, я вспоминала военный день в Грозном. Солнце заливало руины города. На улице была непролазная грязь, на дорогах не осталось асфальта, и в дождливое весеннее время улицы превращались в болото. В аудитории Грозненского пединститута, где взрывами выбило стекла, мы – студенты – говорили и мечтали о будущем. Шел 2004 год.

Сокурсники в основном учились за взятки, я – своим умом. Меня не понимали, злились, и, чтобы отношения окончательно не испортились, я веселила их байками. На весь пединститут я единственная носила русскую фамилию с обязательным пояснением – «по маме», а звали меня на чеченский манер – Фатима. Иначе было не выжить.

Студенты хвастались друг перед другом мехами и украшениями. Неправда, что война для всех одинакова. Кто-то наживается, беззастенчиво торгуя спиртным, наркотиками, оружием, кто-то сотрудничает с военными, кто-то убивает слабых и беззащитных соседей, забирая их имущество, сводит старые счеты. Другие же совсем не знают войны, выехав в мирные регионы, как сделали десятки тысяч этнических чеченцев. Вне игры только те, кто сам по себе. Они выживают!

Сокурсники делились мечтами о дорогих машинах, новых перстнях, а я, одетая в поношенную, местами разорванную куртку, сказала: «Однажды я буду жить в Москве!» Наступила тишина. Затем студенты громко захохотали. Даже для обеспеченных чеченцев жить в Москве – запретная роскошь, что говорить про всех остальных... «А затем я буду жить в Европе!» – не сдавалась я. Студенты уже держались за животики от смеха, а кто-то даже подавился чебуреком и, задыхаясь, кашлял.

– Я буду жить в Европе! – неожиданно сказала я вслух.

– И не мечтай, Полина! Не фантазируй! – отреагировал Лев Арнольдович, который продолжал крутиться в гостиной, перешагивая через гостей из Чечни. – В лучшем случае у тебя в России когда-нибудь будет съемная комната на чердаке, под крышей и работа с утра до ночи прислугой в барском доме.

– Вы сильно ошибаетесь. – От возмущения я резко привстала и стукнулась головой о потолок.

Лев Арнольдович пожал плечами и презрительно хмыкнул, напомнив мне грозненских студентов. Ничему мои истории не учат людей. Ничему!

Я закрыла глаза, и сон приблизился, как крупца, в которой скрыта Вселенная.

– Даже если демон из глубин океана полюбит человека, Бог никогда не вмешается, – сказал Межгалактический Капитан.

– Как же так? – спросила я.

– Свобода познания. Не слушай никого и не верь шаблонам. Каждый идет по своей траектории, и каждый может ее изменить...

Он взял меня за руку, и мы шагнули за предел нашей реальности.

Проснулась я оттого, что Христофор громко спорил на кухне со Львом Арнольдовичем.

– Я великий завоеватель и найду двести сундуков с золотом. Тебе и маме дам по одному, а остальное мы с Полиной разделим пополам!

– Да, у нее высокий рейтинг, – ответил сыну Лев Арнольдович.

Чеченцы, услышав голоса, встали. Они выпили чаю и, аккуратно сложив пледы, простились с нами: им пришло подтверждение, что документы для пересечения границы готовы. Рамзан при старших говорить со мной не отважился, но написал записку: «Тебе надо бежать, Полина. Беги в Европу. Пусть хранит тебя Аллах!» Положил сложенный вчетверо листок возле меня и, не глядя в глаза, поспешил за родными.

В Москве погода менялась несколько раз за день. Утром – солнце, днем – гроза, через час снова солнце. Давление начало пошаливать. Лев Арнольдович, воспользовавшись тем, что на работу мне нужно было к полудню, велел отвезти Глафиру в православный интернат.

– Нечего ей дома делать! Жирует! – ответил он на мою просьбу повременить.

– Родители сдали меня туда давно, – призналась Глафира, теребя край платья дрожащими руками. – Я ненавижу этот православный интернат, там молитвы с пяти утра и наказание за провинности. Я мечтаю о смерти! О смерти! – Она заплакала.

– Я знаю, – сказала я. – Я читала твой дневник.

– И что?

– И даже папе показывала.

– Он, конечно, отмахнулся...

– Ты это брось, Глафира! – сказала я. – Помнишь, что я говорила о самураях? Представь, что ты самурай. Делай, что должно, и будь что будет.

Глафира, собирая вещи, сквозь слезы улыбнулась.

Лев Арнольдович потерял ключи от кухни и неистово колотил молотком в недавно отремонтированную дверь. Кошки скакали по битому стеклу.

Марфа Кондратьевна, проходя мимо, невозмутимо сообщила, что скоро придет новая партия чеченцев и мы снова будем спать вповалку.

– Шкаф не отдам! – предупредила я. – И посиделки до утра не разрешу! Мне рано вставать на работу!

– Не переживай, Полина, – ободрил меня Христофор. – Они приедут и уедут, а ты заменила нам мать с отцом!

Лев Арнольдович, услышав такое заявление, стукнул молотком еще и по стене.

Я собрала детей, и мы все вместе повезли Глафиру в православный интернат, хотя, признаюсь, мне это было не по душе.

– Ты прислужница для них, Полина, – сказала по дороге Глафира, – а я ненужная дочь.

– Не говори так, – попросила я.

– Когда я найду клад, мы все уедем отсюда! Навсегда! – твердил Христофор.

– Все будет хорошо! – утешали сестру Ульяна и Любомир.

Но Глафира отвернулась от нас и тоскливо смотрела в окно.

Спокойные минуты выдавались редко. На городской телефон Антилопы и Бизона пришло истерическое послание от мамы. Голосовое сообщение.

– А-а-а, суки, твари, идиоты... – неся мамин бас из трубки о проделках односельчан.

Стерла. Слава богу! Зачем только я дала ей телефон работодателей?

Гарри выглянул из кухни, хитровато посмотрел на меня и удрученно вздохнул.

В выходной я начала делать генеральную уборку там, где убирать бесполезно. Включила свет и стала собирать паутину, мох и объедки по углам. Но не тут-то было. Трясаясь и стеная, с улицы прибежал Лев Арнольдович. Он хватал ртом воздух, хлопал себя руками по бокам, по лицу и кричал:

– Горе! Горе! О горе!

За отцом семенили Христофор, Ульяна и Любомир в загаженной одежде. Я «профессиональным» взглядом сразу отметила – немедленно в стирку!

Аксинья страшно выла, запрокинув голову, в какой-то момент от ее неистового воя полопались лампочки в кухне и коридоре.

– Горе! У нас горе! – продолжал стонать Лев Арнольдович.

– Где ваша мама? – спросила я Христофора.

– Не знаю. Она в последнее время совсем соображать перестала! – огрызнулся Христофор и покрутил пальцем у виска.

– Помоги, Полина! – заплакали Ульяна и Любомир, показывая на совершенно невменяемого Льва Арнольдовича.

Аксинья выла и рычала. Лев Арнольдович находился в прострации: он метался, заламывал руки, визжал и стонал.

– Папа, что случилось?! Сейчас же говорите! – громко потребовала я.

Лев Арнольдович остановился и заикаясь произнес:

– Глафира попросила девочек из интерната убить ее. Девочки вначале согласились, а потом испугались. Она сбежала!

– Ее нужно было оставить дома! – сказала я. – Глафире нужна помощь специалистов...

– Я сам четыре года лежал в психиатрической клинике. Вначале притворялся дурным, а потом меня закололи

убойными лекарствами! Я по-честному слетел с катушек. Это когда от армии косил, в шестидесятых, – сказал Лев Арнольдович. – Я знаю на собственной шкуре, что такое дурка.

День пошел кувырком, потому что младшие плакали, хватали меня за платье и не отпустили даже в магазин, предпочитая оставаться голодными. Насилу удалось уговорить их пойти всем вместе. Но даже в супермаркете Христофор и Любомир прижимались ко мне и просили забрать куда угодно.

– Мы не хотим жить с мамой и папой! Мы не хотим здесь жить! Нам страшно! – голосили они на весь магазин.

– Куда я вас заберу? Я бомж из Чечни, – буднично ответила я.

– Мы будем просить милостыню, ночевать на скамейках. Только давай уйдем из дома! – настаивали мальчики.

– В приютах к детям относятся плохо...

– Мы не хотим в приют! Только с тобой!

– Глафира вернется домой, и все будет в порядке! – утешала я их.

– Мама хотела от нее избавиться! Она не разрешила ей остаться с нами! – плакала Ульяна.

– Папа не заступился за Глафиру! – сказал Христофор. – Мама и нас хотела сдать в интернат. Она возила нас туда. Но нас не приняли. Сказали, что мы непослушные, маленькие и слишком активные.

– Ненавижу! – следом за Ульяной зарыдал Любомир.

– Полина, ты ведь нас не оставишь? Ты нас не бросишь? – Христофор заглядывал мне в глаза.

– Мне идти некуда. Мы сейчас в одной шлюпке, Завоеватель. А вокруг грозный пенящийся океан. Видишь, какая буря на горизонте? Надвигаются черные тучи. Нужно быть сильными!

– Нужно быть сильными! – повторили дети.

Где Марфа Кондратьевна, никто не знал, а Лев Арнольдвич, захватив бутылку армянского коньяка, ушел к старенькому поэту двумя этажами выше.

Аксинья выла на всю округу.

Глафира родилась в начале девяностых. Деревенька Мшанка, заброшенная и запущенная в годы перестройки, ютилась под городом Владимиром, словно ветхий коврик, который бросают у порога. Телефонная связь там всегда работала плохо, поэтому, пока односельчане пытались вызвать скорую помощь, Марфа Кондратьева разрешилась девочкой прямо в сенях, где супруг с приятелями накануне устроили грандиозную попойку. Вокруг нее валялись пустые бутылки и объедки недавнего сабантуя.

– Душегуб! Мучитель! – стонала Марфа Кондратьевна, оглядываясь по сторонам.

Благо, что ребенок родился живым.

В сени забежали соседки:

– Через час будет машина! Потерпи, Марфа!

Увидели, что нужна помощь, бросились на выручку. Люди сердобольны, когда видят перед собою мать и младенца.

Подрастая, Глафира постигала мир, в котором царил несовершенная система ценностей. Все приходилось сравнивать: сестре Аксинье можно бить посуду и плевать в родителей, а ей нельзя, потому что Аксинья больная, а она здоровая.

– Я тоже хочу плюнуть! – Четырехлетняя Глафира набрала полный рот слюней.

– Тебе по губам дам! – сердилась мать.

– А почему ей не дашь? – удивлялась Глафира.

– Она больная!

Отец так же расставлял акценты. Быстро сообразив, что Аксинья не сможет пожаловаться родителям, Глафира виртуозно научилась подставлять старшую сестру: бросала в бочки с водой котят и щенят, била вазы, поджигала сухую траву в огороде...

– Тебе все равно ничего не будет! – хихикала она, пихая локтем Аксинью.

Но Глафира ошибалась. Мать с отцом ругали, а потом стали физически наказывать детей. Несколько раз и ей перепало ремня.

– Отдам тебя в интернат! – грозились мать.

Продолжение следует